

Кае де Клиари

Бесёнок по имени Ларни

«ЛитРес: Самиздат»

2015

де Клиари К.

Бесёнок по имени Ларни / К. де Клиари — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Они не ушли на покой. Они остались воителями и героями, но и у них нашлись проблемы, которые заставили схватиться за голову тех, кто не робел перед бессчётным количеством врагов и лицом самой Смерти! Что же это? Конечно же, дети, которые не желают уступать родителям ни в чём. В том числе и в способности собирать неприятности на свою голову.// Это продолжение романа "Маранта", и второй роман из цикла "Огненные королевы", где читатели встретятся со старыми и новыми героями, приключения которых обещают быть ещё более сумасшедшими и невероятными, чем ранее./ Сведения по оформлению обложки после текста произведения.

Содержание

Глава 1. Непослушная кроха	6
Глава 2. Юная воительница	8
Глава 3. Похищение Руфуса	9
Глава 4. Она принесла Ларни	14
Глава 5. Пастор и защитница	16
Глава 6. Там есть малина!	20
Глава 7. В подземной печи	24
Глава 8. Где они, Руф!	29
Глава 9. Вниз	30
Глава 10. Монстр-страж	33
Глава 11. Приход нового времени	36
Глава 12. Выход	38
Глава 13. Вопреки благоразумию	41
Глава 14. Перейти поле	43
Глава 15. Последний привал на "Божьей ладони"	45
Глава 16. Один шаг до "Мёртвого города"	46
Глава 17. Сомнения стража	47
Глава 18. Мёртвое место	48
Глава 19. Следы их детей	52
Глава 20. Борьба за жизнь	54
Глава 21. В двух шагах от города	57
Глава 22. Палаццо	60
Глава 23. Знакомые места	64
Глава 24. Инци	66
Глава 25. Снова по следу	73
Глава 26. Новое тело стража	75
Глава 27. Пустой кумир	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

*Посвящаю эту книгу Мартти Ларни,
хоть её сюжет и не имеет к нему никакого
отношения; и прошу прощения у тени
этого замечательного писателя за то, что
назвал его именем девочку.*

*"Невинность, это единственная
драгоценность с которой мы
появляемся на свет!"*
Танджина Бэрронс

*"С моей точки зрения, самый
непростительный грех,
как раз – целомудрие"*
Матушка Природа

*"Любовь порой ходит такими
тропами, на которых и мне
случается заблудиться"*
Госпожа Судьба

Глава 1. Непослушная кроха

– Ларни!

Тишина, только эхо с другого берега реки тихонько сказало: "...рни!"

– Ларни, ты где?

"...де?" – повторило эхо и смолкло, будто испугалось, что ему тоже достанется.

Маранта с досады даже ногой топнула. Опять эта маленькая егюза куда-то исчезла, не потрудившись поставить её в известность. Ей ужасно не хотелось снова беспокоить мужа из-за этой мелкой безобразницы. И так уже несколько раз приходилось всем селением разыскивать её в лесу! Они же договорились вместе пойти к реке, прополоскать бельё и Ларни обещала, что не будет далеко отходить от матери. Ну, если эта паршивка решила над ней пошутить и где-нибудь сейчас прячется!..

Маранта поставила ушат с бельём на землю и повернулась в сторону леса. (Давай, чутьё разведчицы, включайся!)

Где же может быть этот непослушный ребёнок? Неужели мелочь пузатая думает, что мама не найдёт её?

– Мама, я здесь! – Раздался звонкий детский голосок откуда-то сверху.

Маранта вздрогнула от неожиданности. Да, придётся признать, что чутьё на сей раз подвело её по-полной! Ларни появилась из ближайших зарослей орешника совсем не с той стороны, куда собиралась направиться её мама. И, конечно же, она восседала на плечах у Стефана, очень гордого и крайне довольного своей ролью "лихого скакуна".

С ловкостью юной обезьянки, девочка спрыгнула на землю и подбежала к матери.

– Мама, а мы тут с братиком играли!.. – начала она и запнулась, встретившись с сердитым взглядом Маранты.

Несколько секунд маленькая лиса размышляла, потом вдруг хлопнула себя по лбу, как будто что-то вспомнила.

– Ой, я же обещала зайти э-э... к дедушке! – соврала эта бестия, не моргнув глазом, и припустила в сторону крепости.

Храбрый десятилетний Стефан, с очень серьёзным выражением лица, как бы невзначай, загородил дорогу Маранте, шагнувшей было вслед за дочерью. Бывшую воительницу это рассмешило, но она не подала виду, а только спросила:

– Ну и где ты её нашёл?

Мальчик покраснел до корней волос, опустил голову, но всё же ответил:

– На дереве!

– На каком дереве?

– На том!

Парень указал в сторону древнего вяза, который местные называли "Сторожевой вышкой" из-за его высоты. Крона гигантского дерева подымалась намного выше стен крепости, и оно вполне оправдывало своё название, хоть никто не мог сказать, когда и кем лесной великан использовался для осмотра окрестностей. Ларни категорически запрещалось залезать на эту громадину, но похоже именно запрет действовал, как самая соблазнительная приманка – шальная девчонка забиралась на самую верхушку "Сторожевой вышки" при каждом удобном случае. Не только забиралась, но ещё и раскачивалась на тонких верхних ветвях, заливаясь звонким счастливым смехом. Маранта собралась было рассердиться, но мальчишка стоял перед ней с таким убитым видом, что она невольно улыбнулась. Он сейчас конечно страшно переживал, что выдал подружку, но ничего поделать с собой не мог – на свою беду Стефан совершенно не умел врать! В отличие от Ларни.

Маранта ничего не сказала, только потрепала его по светло-русой голове и подтолкнула в сторону крепости. Парнишка, счастливый тем, что так легко отделался, пулей рванул догонять непосlušную девчонку, а Маранта перевела дух, подняла свой ушат и вновь направилась к мосткам на берегу реки. Она, конечно, сердилась на дочь, но всё же была рада, что очередная поисковая экспедиция отменяется – в её нынешнем положении это было бы весьма затруднительно. Вскоре женщина опустила свою ношу на старые скрипучие доски, и прежде чем приступить к работе, погладила круглый объёмистый живот. Не пройдёт и месяца, как она подарит Ларни братика! Ну, или сестрёнку, какая разница? Теперь Стефан и Ларни будут по-настоящему связаны кровными узами, ведь это маленькое существо будет братом, (или сестрой), им обоим, одному по отцу, другому по матери.

Стефан был сыном её мужа от первого брака, и хоть она полюбила его, как родного, а он искренне привязался к ней, но так и не научился называть Маранту мамой. Ничего! Главное, что они теперь живут дружно и счастливо, а кроме того этот замечательный парнишка души не чает в её дочери!

– Мара! Любимая, что ты тут делаешь? – раздался вдруг голос, от которого она чуть не уронила бельё в воду.

Маранта поняла, что попалась. Муж запретил ей работать, а тем более таскать тяжести. Да, теперь нагоняй получит она сама, а не проказница Ларни!

Глава 2. Юная воительница

– Ур-ра-а-а! Я догоню тебя, проклятый монстр!

Вдоль главной, (и единственной), улицы посёлка, едва касаясь земли копытцами, летел перепуганный поросёнок. Летел и оглашал окрестности таким истошным визгом, который могут издавать только перепуганные поросята и никто больше! Покинуть родную лужу его заставило нападение человека, которого он обычно совершенно не боялся, а очень даже любил, потому что постоянно получал от него, (то есть от неё), что-нибудь вкусненькое.

Конечно, этим человеком была Ларни, но сегодня с ней случилось что-то нехорошее, потому что, едва вбежав в ворота крепости, она выхватила деревянный меч и набросилась на ни в чём не повинного поросёнка, крича, что это монстр и она его сейчас убьёт! Мелкий свин был вовсе не глуп, а его ноги ещё не утратили резвость юности, и потому он сразу снялся с места в галоп, звонко при этом вереща. Ларни, что есть сил, бежала следом и азартно размахивала своим оружием.

Так они вскоре достигли другого края посёлка, расположенного между двумя высокими железобетонными стенами, где был завал из брёвен, закрывающий второй выход, и стояла церковь. Поросёнок с разбегу нырнул под крыльцо этого нехитрого сооружения, а дорогу развоевавшейся девчонке загородил крепкий высокий старик в костюме священника.

– Ларни! – строго сказал он, сдвинув седые брови. – Что это значит, Ларни? Зачем ты гоняешь моего поросёнка?

Девочка остановилась и тут же спрятала деревянный меч за спину.

– Дедушка! – воскликнула маленькая возмутительница спокойствия, глаза которой забежали. – Я, э-э... мама просила тебя навестить и сказать, что у нас всё хорошо!

– Ах, вот как! Тогда передай маме, что я зайду к вам сегодня вечером, чтобы узнать *насколько* у вас всё хорошо!

Последние слова были сказаны также строго и даже немного грозно. Ларни решила не развивать эту тему дальше, кивнула и уже развернулась, чтобы удрать, но тут же налетела на запыхавшегося Стефана, который внезапно появился у неё за спиной. Это остановило её буквально на одну секунду. Оглядев брата с некоторой задумчивостью, девчонка коротко командовала – "За мной!", и снова припустила вдоль посёлка. Мальчик виновато посмотрел на пастыря, которого Ларни называла дедушкой, но увидев, что он улыбается, пожал плечами и отправился вслед за подружкой.

Глава 3. Похищение Руфуса

- Ну что ты здесь опять забыла? Что ты там разглядываешь?
 - Хочу увидеть стены каньона!
 - Ну и как, видишь?
 - Нет.
 - Конечно же, нет! Если там даже есть какие-то стены, то они так далеко, что их отсюда не видно, так зачем же пытаться их увидеть снова и снова?
 - Если тебе не интересно, можешь спуститься вниз!
 - А ты? Я за тебя беспокоюсь, вдруг упадёшь?
 - Я не упаду, а вот ты можешь из-за своей ворчливости!
 - Нам же снова достанется от родителей, если они узнают, что ты опять забралась на "Сторожевую вышку"!
 - Не достанется, если ты не скажешь!
 - А как же Руфус? Ведь следить за ним поручили тебе, а ты оставила его одного внизу!
- Вдруг что-нибудь случится?

Ларни, висая на тонких верхних ветках высоченного вяза, обернулась и посмотрела на Стефана, который находился "этажом ниже". Мальчику в очередной раз показалось, что он смотрит в темнеющее вечернее небо, на котором горят две яркие синие звезды. Ларни была смуглой от рождения, чем выделялась среди всех детей в их посёлке, а загар, который она приобретала за лето, окрашивал её лицо в цвет золотистой бронзы. Тёмные, почти чёрные волосы, коротко подрезанные, ещё больше усугубляли это впечатление, а ярко-синие глаза создавали странный, даже неестественный контраст. И, тем не менее, все признавали, что девочка наделена некой особенной, пугающей красотой, которая стала заметна уже сейчас в её неполные девять лет. Стефан, как-то подслушал разговор взрослых, которые говорили, что в этой красоте есть, "нечто демоническое"! Он не совсем понял, что они имели в виду. Он и так считал, что его сестра самая красивая девочка из всех, что есть в посёлке, а может и на всём белом свете, (хоть он и не знал, что из себя представляет этот "белый свет").

– Пошли! – Коротко сказала Ларни и с завидной скоростью полезла вниз.

Стефан и сам отлично лазал по деревьям, но угнаться за девчонкой, которая с одинаковой ловкостью цеплялась за ветки руками и ногами, он почему-то не мог. Возможно, это было потому, что Ларни категорически не признавала обуви. Свои мягкие меховые сапожки она сбрасывала, к всеобщему ужасу, весной, едва на улице сходил снег, и обувалась только при первых признаках зимы, а иногда и позже. Ей ещё в раннем детстве случалось выскочить босиком на снег и бегать по двору, пока кто-нибудь из взрослых не поймает этого сумасшедшего ребёнка и не водворит обратно в тёплый уютный дом.

В отличие от Ларни, их младший братишка Руфус, рос тихим и послушным. Впрочем, ему сейчас было чуть больше трёх лет. Ларни обожала его до безумия, а он её немного побаивался.

Размышления Стефана прервал резкий звук ломающихся веток, и в первое мгновение он подумал, что Ларни упала, но в следующую секунду понял, что она просто рванула вниз с невероятной скоростью, буквально сбегая по дереву! Заподозрив неладное, мальчик и сам стал спускаться быстрее и вскоре увидел причину заставившую девочку так рисковать – Руфуса под деревом не было!

Ларни стояла посреди поляны совершенно растерянная, и, то и дело, поворачивалась во все стороны, не зная, где искать младшего брата. Сердце Стефана ухнуло в пятки и там спряталось. Он тоже любил Руфуса, который, несмотря на то, что был мальчиком, больше всего

походил на Маранту. Любил, хоть его и раздражала детская неуклюжесть и непонятливость младшего.

Присматривать за малышом, сегодня было поручено Ларни, а Стефан должен был помогать отцу по хозяйству, так что вины на нём, как бы, не было, но это ничего не меняло! Брат пропал, а значит, все остальные дела сейчас не имеют значения. Какое наказание ждёт их с Ларни, тоже было не важно.

Стефан заметил, что сестра дрожит мелкой дрожью, а её, превратившиеся в щёлочки, глаза наполнены слезами. Скверное дело! В таком состоянии от неё будет мало толку, а сейчас как раз необходимо собрать все силы и не поддаваться панике.

Монстры возле их посёлка не появлялись так давно, что люди забыли, как они выглядят. Правда детям по-прежнему запрещалось уходить в одиночку за линию огородов и к реке, но запреты эти постоянно нарушались и, конечно же, первыми нарушителями были они с Ларни. Возможно, Стефан и не стал бы так делать по собственной воле, но Ларни всегда шла туда куда хотела, а он не мог оставить её одну. Вот и теперь, когда он увидел, что сестра, с Руфусом на спине, направляется к "Сторожевой вышке", то бросил порученную ему работу и пошёл вслед за ними. Пошёл с самыми благими намерениями – присмотреть, чтобы с обоими не случилось ничего плохого. Да вот, не усмотрел!

Стефан понял, что сейчас вся ответственность лежит на нём, как на старшем. В конце концов, кто тут охотник? Заставив самого себя не дрожать, он внимательно осмотрел поляну, на которой рос старый вяз и вскоре разглядел то, что им было нужно – в невысокой ещё весенней траве был виден едва заметный след, который вёл от дерева к краю, где начинались заросли кустов. Острые глаза парня позволили ему увидеть, что в этих кустах, что-то белеется и он, не говоря ни слова, схватил сестру за руку и припустил с ней к краю поляны. Когда Ларни увидела то, что видел он, она обогнала брата и влетела в кусты первая, не обращая внимание на колючие ветки, раздрающие кожу на всех открытых местах...

Это была всего лишь тряпка. Та самая тряпка, которой вытирали сопливый нос Руфуса. Ларни схватила эту тряпку и судорожно сжала в руках, будто хотела втереть её в ладони. Стефану показалось, что сейчас он понял, что значит фраза – "нечто демоническое": глаза Ларни были совершенно дикими, рот раскрыт в зверином оскале, а выражение лица напугало бы кого угодно. Но долго разглядывать сестру ему не пришлось – он вдруг заметил, что через кусты идёт узенькая тропинка, оставленная каким-то зверьём, а там где эта тропинка ныряла в особо густые заросли, была сломана молодая зелёная ветка.

– Туда! – крикнул Стефан, и на сей раз не пустил сестру вперёд.

Мысли парня лихорадочно прыгали, заставляя его метаться от одних намерений к другим. Самым разумным казалось, немедленно бежать в посёлок и звать на помощь, но это означало потерять массу драгоценного времени. Правда если Руфуса унёс дикий зверь или монстр, то он возможно уже мёртв... Против этого говорило отсутствие крови на найденной тряпке и на тропинке, по которой они сейчас бежали. С другой стороны ни у него, ни у Ларни не было с собой никакого оружия, если не считать небольшого, но очень острого ножа, с которым Стефан не расставался уже несколько лет. (У Ларни тоже был ножик, но такой маленький, что брат презрительно называл его "девчачьим". Удивительно, но в отличие от матери, девочка-сорвиголова не любила оружие, а ежедневные занятия по стрельбе и фехтованию считала, чем-то вроде наказания, и всякий раз старалась увильнуть от них, при каждом удобном случае.)

Что же им делать, если они найдут Руфуса ещё живого, но его будет держать в когтях, какое-нибудь чудовище? Ответ был прост – они вырвут младшего из этих когтей, пусть даже придётся драться голыми руками!

Как бы ни были обширны заросли кустов, но они скоро кончились. Исцарапанные, исхлёбанные ветками, дети оказались на краю небольшого оврага, в который дальше ныряла узкая

звериная тропинка. И, конечно, по всей ширине и глубине этого оврага произрастал один из самых злющих врагов всех детей – высокая, широколиственная, разлапистая крапива!

Несмотря на то, что лето ещё только готовилось вступить в свои права, это растение успело уже вымахать в человеческий рост, а над тропинкой смыкалось так низко, что по ней едва можно было двигаться на четвереньках. Стефан поднял воротник своей куртки и натянул пониже рукава, чтобы скрыть кисти рук, но Ларни вдруг решительно отодвинула его локтем и пошла первой. Её лёгонькое платьице вообще не имело рукавов, а подол едва прикрывал колени, но девочка решительно подошла к зарослям крапивы и раздвинула их руками. При этом она, что-то бормотала вполголоса из чего старший брат смог различить только – "Матушка Крапива, не жги!.. не жги!.."

И крапива не жгла! Он сам смог убедиться в этом, когда движимый инерцией стебель, со зловещими листьями, мазнул-таки его по лицу. Не было ни ощущения вонзившихся в кожу сотен иголок, ни вспыхнувшей огнём боли, ни вмиг надувшихся волдырей, ничего! Прикосновение было мягким и даже ласковым, чего он никак не мог ожидать от крапивы.

Мальчику и прежде доводилось видеть, как Ларни разговаривает с растениями и животными, но он никогда не воспринимал всерьёз рассказы о том, что кого-то там можно "заговорить". Охотник должен полагаться на могучий лук, крепкий топор и острый нож, а главное на своё умение, чутьё и опыт! Против врагов лучшие помощники, конечно же, верный меч и надёжный щит, но ему ещё не приходилось встречаться с врагами, (по правде он даже плохо представлял себе, что это такое), а вот охотиться уже приходилось. Однако сейчас он, похоже, видел то, что среди людей называли ведовством, а их старый мудрый пастырь совершенно не одобрял и называл дьявольским искушением.

И, тем не менее, у Ларни всё получалось! Её обнажённые руки и ноги совершенно не чувствовали ожогов, а ведь Стефан знал, что от такого количества соприкосновения с крапивой можно тяжело заболеть и даже умереть. Детям в посёлке рассказывали, как три десятка лет тому назад четверо ребят, которые тогда были в таком же возрасте, что сейчас они с сестрой, нарушили запрет на выход из крепости без присмотра взрослых. Нет, им не встретились монстры, но их угораздило свалиться в этот самый овраг, выбраться из которого, удалось далеко не сразу. После этого все четверо заболели и трое вскоре умерли, что было страшнейшей потерей для селения, где дети считались главным сокровищем. Остался один, и это был... отец Стефана. С тех пор он не ощущал ожогов от крапивы, смело рвал её голыми руками и частенько брал с собой в баню в качестве веника.

Но вот кончился и овраг. На их счастье его склоны оказались достаточно пологими, чтобы можно было вылезти наружу, цепляясь за коренья. Дальше начинался самый настоящий лес, деревья в котором стояли плотно, а тропинка ныряла в бурелом. Они всё ещё находились недалеко от своего посёлка-крепости, который дикие звери обходили стороной, но здесь в чаще нельзя было поручиться, что они не столкнутся, например, с волками или со стадом кабанов, которым не страшны даже монстры.

О самих монстрах думать и вовсе не хотелось. Это были существа, как говорили старшие, "безбашенные", но кровожадные и свирепые до предела! Благодаря Маранте, которая семь лет назад спасла Стефана, а через несколько месяцев родила Ларни, монстры в округе были по большей части истреблены или разогнаны. Маранта откуда-то знала, как с ними надо бороться и научила других, за что ей была благодарна вся община. Она вообще была необыкновенной женщиной, эта Маранта! Сильная, смелая и умная, совсем не такая, как любая другая в посёлке. По своему поведению, она скорее была похожа на охотника, чем на женщину, но при этом была ещё и необыкновенно красива! Маранта была самой красивой женщиной из всех, кого в своей жизни видел Стефан, и в этом с ней могла поспорить только Ларни.

Итак, приходилось нырять в бурелом. Кроме монстров и хищного зверья, здесь можно было встретиться со змеями или попросту свернуть себе шею, запутавшись в корягах. Сте-

фан с надеждой покосился на сестру, но на сей раз никаких заклинаний не последовало и ему ничего не оставалось, как протискиваться сквозь эти завалы. На сей раз он опять шёл первым. Древесная мешанина становилась, чем дальше, тем гуще. Тропинка, то и дело, ныряла под завалы валежника или громадные гнилые стволы деревьев, упавших, может быть, столетия назад. Через час такой ходьбы дети вымотались совершенно, и Стефан даже стал подумывать о том, чтобы повернуть назад и позвать-таки на помощь взрослых, но вдруг Ларни вскрикнула и бросилась вперёд, бесцеремонно оттерев его плечом. Он тут же понял, что заставило её так поступить – на самом виду, посреди тропинки лежала сандалия Руфуса!

Несмотря на то, что сама Ларни упрямо расхаживала повсюду босиком, младшего брата она всегда обувала, если надо было пойти с ним на прогулку. Мало того, лёгкую обувь, вроде таких вот сандалий, она мастерила ему сама, научившись этому ремеслу у священника, которого до сих пор называла дедушкой! Их нынешняя находка тоже была изделием её рук – сооружение из нескольких слоёв толстой кожи с ремешками, украшенными разноцветными бусинами.

Стефан не успел раскрыть рот, а Ларни уже летела вперёд, зажав в руке заветную сандалию. Она перескакивала со ствола на ствол с проворством достойным белки, и Стефану, припустившему следом, едва удавалось не терять её из виду. Так они бежали ещё некоторое время, когда Ларни вдруг остановилась, как вкопанная.

Юный охотник сразу понял причину её замешательства – тропинка, по которой они двигались до сих пор, кончилась. Заодно кончился и бурелом, словно ему положили предел. Лес стал чище и красивее, как на картинке, но это мало радовало – на мягкой лесной подстилке из листьев и иголок не было видно никаких следов. Девочка стояла, как тогда на поляне и поворачивалась во все стороны словно флюгер, раскачиваемый ветром. Стефан понял, что сейчас снова дело будет за ним.

Он внимательно осмотрелся вокруг, стараясь призвать всё своё чутьё охотника, но ни на крохотной лесной прогалине, ни под пушистыми зелёными ёлками, росшими повсюду, не было ничего, что могло бы подсказать, где им дальше искать младшего брата. Вдруг прямо перед ними дёрнулась большая еловая лапа, как будто кто-то потянул её снизу и резко отпустил! Стефан нашарил правой рукой нож, а левой затолкал Ларни себе за спину. Но он тут же отдёрнул руку, почувствовав укус маленьких, но острых девчачьих зубов! Выяснить отношение было некогда, и они потихоньку двинулись бок-о-бок по направлению к раскачивающейся ветке. При этом Ларни подобрала по дороге увесистую суковатую палку.

Мальчик, в любой момент готовый к бою, подошёл к загадочному дереву и в следующий миг ступил на поляну, скрытую до этого широкой разлапистой хвоей. То, что он там увидел, заставило его вскрикнуть и опустить нож! Действительно, он ждал всего чего угодно, от самого плохого и страшного, до самого хорошего, но такого зрелища он никак не мог ожидать!

Посреди поляны на толстом поваленном дереве, в позе королевы, восседала тётя Мара, а рядом стоял улыбающийся отец. У их ног, совершенно целый и невредимый, Руфус строил пирамидку из шишек. На лице Маранты тоже играла улыбка. Такая наверно должна была быть у лисы, наблюдающей за выводком цыплят. Позади, раздался полувздых-полуписк, и что-то тяжёлое шлёпнулось на землю. Стефан обернулся и увидел, что это Ларни уронила свою дубину.

– Быстро! Я думала, вы будете дольше нас икать. – сказала Маранта медовым голосом.

– Теперь все всё поняли?.. – начал, было отец, но сам себя оборвал на полуслове.

Стефан сразу понял причину его внезапного молчания – он увидел, как глаза Маранты и Ларни встретились! Мать и дочь смотрели друг на друга, не отводя взгляд, и казалось, что в воздухе скрестились четыре клинка – два стальных, серых и два иссиня-ледяных. Мальчик готов был поклясться, что почувствовал запах озона и услышал треск мелких электрических разрядов, наполнивших атмосферу! Так продолжалось несколько секунд.

Потом Ларни, всё так же, не отводя взгляд от лица матери, подошла вплотную, наклонилась, взяла Руфуса на руки и, ещё раз сверкнув глазами, скрылась в лесной чаще. Стефан переглянулся с отцом и дёрнулся-было догонять её, но Маранта встала и мягко положила руку ему на плечо.

– Не надо! – сказала она, и в голосе её не было ни раздражения, ни гнева.– Всё будет хорошо.

Когда через пару часов они пришли домой, Руфус мирно спал в своей кроватке. Рядом сидело маленькое, согнутое пополам существо, в котором Стефан не сразу узнал Ларни. Он подошёл и заглянул в совершенно мокрое, несчастное лицо сестры. Белки синих глаз были красными, а нос, похоже, напрочь отказывался дышать и, то и дело, предательски хлюпал. Тогда мальчик сел рядом и обнял за плечи это дикое, своенравное сокровище.

Странно, но бесёнок, который не терпел фамильярности, не отстранился и не оттолкнул его, а наоборот прижался к мускулистой груди брата всем своим маленьким смуглым тельцем.

Глава 4. Она принесла Ларни

– Братья и сёстры!

Голос священника зычно раздавался в небольшом помещении, наполненном народом. Храм в посёлке, как и всё, кроме стен был деревянным и очень старым. Когда-то он без труда вмещал всех жителей, но теперь народ, затерянной в лесах крепости, умножился и некоторые из прихожан вынуждены были оставаться за дверью. Впрочем, проповедь можно было слушать и оттуда, а погода стояла сухая и тёплая, так что те, кто стоял снаружи, ничего не потеряли.

– Братья и сёстры! – рокотал голос старика, который, несмотря на преклонный возраст, был всё ещё силен и крепок. – Любите друг друга! Берегите друг друга, ибо каждая жизнь человеческая есть величайшая ценность! Мы окружены жестоким и смертоносным миром. Верьте мне, люди, рождённые за этими благословенными стенами, ибо я сам пришёл из этого мира! Вам, рукою Господа помещённым в эту Великую чашу, заросшую лесами, неведомы страны, где люди убивают друг друга, чтобы отнять у ближнего своего еду и кров. Вам неведомы миры, которыми правят жестокие правители, для коих подданные их, не более чем олени для волка или куропатки для ястреба. Там без счёту и меры льётся невинная кровь! Там нет, и не может быть справедливости, ибо люди, населяющие те места, хуже самых кровожадных монстров, которые...

– Но ведь оттуда пришла тётя Маранта, жена моего отца! – вдруг перебил проповедника молодой звонкий голос.

Старик на мгновение умолк, потом нашёл глазами говорящего, который стоял в дверях, улыбнулся и поманил его рукой.

– Подойди ко мне, юный Стефан! – сказал он. – Не бойся! Подойди и повтори то, что ты сейчас сказал.

Люди, знавшие крутой нрав священнослужителя, бывшие не раз свидетелями вспышек гнева, которым он был подвержен, особенно если кто-то выражал несогласие по религиозным вопросам, люди привыкшие верить без споров, не требуя объяснений, расступились в страхе, ожидая, что старик обрушит на голову парня громы небесные или вообще выгонит из храма, как он это сделал с охотником, который, как-то явился на проповедь пьяным. Но ничего подобного не происходило. Старик смотрел на подходящего юношу с выражением добродушной насмешки.

– Я не боюсь! – заявил Стефан, глядя священнику прямо в глаза. – И я повторю то, что уже сказал – жена моего отца, которую мы все знаем и любим, пришла из мира, названного вами, падре, средоточием всякого зла. Но ведь нет в нашем селении женщины добрее и ласковее, чем тётя Маранта! Первое, что она сделала, когда появилась здесь, это спасла меня от ужасного монстра, который собирался меня сожрать, а потому я могу считать её своей второй матерью, хоть мой язык и отказывается так её называть...

– Ты прав, Стефан! – перебил его, в свою очередь, священник. – Ты совершенно прав насчёт нашей дорогой Маранты и мы все это знаем! Но помнишь ли ты, какая она была, когда пришла к нам? Помнишь? Если забыл, то я напому тебе. Она пришла нагая, вся израненная и избитая, преследуемая жестокими убийцами, жаждущими её крови! Да, она спасла тебя, но ты когда-нибудь видел то оружие, с помощью которого она это сделала? Попроси её показать его тебе. Это оружие не годится для охоты, оно не поможет человеку прокормить семью, зато таким оружием легко поразить ближнего своего или защититься, если ближний твой захочет убить тебя! Да, именно такое оружие было в руках Маранты, когда она появилась среди нас. Она принесла его из того мира от которого Господь избавил вас, своих возлюбленных детей. В том ужасном мире Маранте приходилось защищать свою жизнь и убивать тех, кто пытался

её отнять. И она бежала из того мира! Бежала под защиту наших стен и наших лесов. Бежала, чтобы никогда не вернуться назад...

– Но ведь она принесла оттуда Ларни! – снова заговорил Стефан. – Значит, в том мире тоже есть любовь?

Старик снова замолчал на несколько секунд, потом положил руку на голову парня и сказал следующее:

– Ты прав, юный Стефан, там есть любовь! Любовь есть везде, ибо это суть божья на нашей земле! Но там, за пределами, данными нам во владение, любовь вынуждена прятаться от клинка и стрелы, от произвола и жестокости. Маранта встретила там свою любовь, но там же она её и потеряла, а чтобы не потерять плод этой любви она пришла к нам. И, как видишь, встретила здесь новую любовь, которая принесла плод в виде твоего младшего брата. Вот он, сидит на руках твоего отца среди мирных и трудолюбивых прихожан и соплеменников. Здесь ничто не угрожает ему, и никто не пытается его убить, разве это не благо? Я отвечу тебе, мой мальчик! Это и есть благо! Вы, дети, рождённые в любви и взращённые среди соплеменников, готовых в любое время защищать вас! Вы не знаете, что такое подлинное зло и если Господь не разгневается на вас, то никогда не узнаете этого! Поверьте, такое незнание, это и есть благо! Трудитесь не покладая рук, и жизнь ваша будет безбедной! Заботьтесь друг о друге, и беда будет обходить вас стороной! Любите друг друга, и счастье никогда не покинет ваших сердец, а число ваше приумножится! Но заклинаю вас всеми благами мира и всеми бедами жизни земной – никогда не покидайте этих благословенных лесов, никогда не уходите далеко от этих прочных стен и никогда не пытайтесь выбраться из Великой чаши, в которой Господь держит нас! Пока мы здесь, мы всё равно, что на Его ладони, но тот, кто покинет эту ладонь, превратится в безродного скитальца, жалкого и одинокого. Там, за пределами чаши, называемой каньоном, уже никто не позаботится о вас так, как это происходит здесь. Там вы будете влачить жалкое существование, преследуемые врагами, в поте лица добывать тощий хлеб свой насущный и прятать свою любовь! Ты понял меня, Стефан?

– Я понял вас, отче!

– Вот и славно! Тогда иди и лучше присматривай за своей сестрой, ведь у неё душа птицы, постоянно рвущаяся в полёт, несмотря на опасность быть подстреленной охотниками. Кстати, а где она? Я почему-то не вижу Ларни!

Все заозирались и зашумели, разыскивая девочку-непоседу, которая точно была здесь в начале проповеди, но сейчас куда-то исчезла. Это было странно, ведь все знали, что Ларни всегда бывает в церкви, когда падре читает проповедь. Так повелось с тех пор, когда у них со старым священником вышел один необыкновенный случай. Но прежде надо сказать пару слов о самом священнике.

Глава 5. Пастор и защитница

Давным давно, когда нынешние охотники ещё сами были детьми, в ворота старой крепости постучался странный человек. Он был уже не молод, хоть ещё не стар, лет наверно сорока с небольшим, одет в изорванную длинную одежду, страшно изнурён и измотан. За плечами у него был мешок, в котором угадывалось, что-то угловатое.

Жители селения тогда были другими, и прежде чем впустить его они долго совещались и спорили между собой. Странника пустили скорее из любопытства, чем из милосердия. Впрочем, они не были злыми эти лесные жители, просто жизнь их была наполнена страхом перед опасностями, таящимися за высокими стенами крепости. Едва путник вошёл в ворота, он спросил – какой веры придерживаются здешние обитатели? На этот вопрос никто не мог внятно ответить. В конце концов, ему указали на заколоченное здание, бывшее когда-то церковью.

– Что ж, – сказал тогда новоприбывший, – значит моя судьба, заново научить вас вере, которую вы утратили!

И он стал учить их. Он учил добру и справедливости, милосердию и любви, а символом этой веры поставил бронзовое изображение человека прибитого гвоздями к деревянному кресту, которое принёс с собой. Кое-кто из стариков припомнил, что такой же символ был когда-то в этой самой церкви, но куда он делся, этого сказать не мог никто.

Шли годы, подросли новые жители затерянной в лесах крепости. Они уже были не похожи на своих родителей, потому что священник многому научил их. Теперь они стали смелее и как-то выше. Их лица были просветлёнными, а сердца открытыми. Жизнь в селении потекла быстрее и стала более весёлой, хоть опасностей и трудов у людей вовсе не убавилось.

Вдруг стало рождаться больше детей и самое главное, их стало больше выживать по сравнению с тем, как это было раньше! Священник особенно радовался этому пополнению и настаивал на том, чтобы детей как можно чаще приводили к нему. Кончилось тем, что матери стали полностью ему доверять, к тому же нашли это весьма удобным и периодически "сбагивали" своих чад на попечение старика.

И вот однажды среди этих детей появилась необыкновенная девочка. Она отличалась от прочих и не только внешне. Ларни была настоящей почемучкой, и в первый же день задала вопросов больше, чем все остальные дети вместе взятые.

Самопровозглашённый духовный наставник маленькой затерянной в лесах общины, был, конечно, рад ответить на каждый её вопрос, но когда день закончился и детей разобрали по домам, он почувствовал, что устал больше обычного. Тем не менее, когда на следующий день в дверь его крошечного домика, расположенного рядом с церковью, первым постучался давешний любопытный бесёнок, старик обрадовался, сам не понимая почему!

С тех пор Ларни, если не сидела на верхушке "Сторожевой вышки", или не устраивала гонку за поросятами и курами, или не отправлялась гулять в одном только ей ведомом направлении, то проводила время у священника, слушая его рассказы и выливая на него потоки своих бесконечных вопросов.

Происшествие случилось, когда они были знакомы уже чуть больше года. Ларни недавно исполнилось пять лет, но её самостоятельности могли бы позавидовать старшие дети. Однако когда произошёл тот инцидент, подозрение пало вовсе не на Ларни.

А случилось вот что – как-то утром, когда солнце едва окрасило небо в нежно-розовый цвет, священник, встававший с петухами, вошёл в церковь, и уже собрался сделать привычный жест, прикоснувшись пальцами поочерёдно ко лбу, к животу и к плечам, как вдруг замер от ужаса!

И было от чего! Святой символ – деревянный крест, стоявший на самом видном месте, был пуст! Сам крест оставался нетронутым, но бронзового человека, прибитого за руки и за

ноги железными гвоздями, не было! Гвозди, впрочем, нашлись сразу. Они были аккуратно сложены на маленьком столике, служившем подставкой для нескольких чаш, которые священник использовал для отправления обрядов.

Неслыханное святотатство поразило старика настолько, что его едва не хватил удар! Кто это мог сделать? Ведь он доверял жителям селения. Он сам вырастил здесь целое поколение и до сих пор активно занимался воспитанием молодёжи. Дверь в церковь никогда не запиралась, (как впрочем, и все двери в маленькой крепости, кроме главных ворот), и чаще всего стояла нараспашку. Никому не возбранялось посетить этот незатейливый храм в любое время суток. Но кто и зачем мог сделать такое?

Старик упал на колени и долго, горячо молился, в то время как его мысли метались, словно дикие птицы, попавшие в силки. Он не знал, сколько прошло времени, пока он так стоял, дрожа всем телом и обливаясь холодным потом, но вдруг сзади раздался какой-то звук, толи вздох, толи покашливание.

Священник резко обернулся, и его глаза встретились с широко распахнутыми глазами Ларни. Эти глаза сейчас напоминали синие ледяные кристаллы, и глядели с вызовом, а в руках у девчонки был свёрток, в котором с первого взгляда можно было узнать пропавшую святыню.

Как потом выяснилось, руки и ноги бронзового человека были перевязаны тряпочками, но каким образом ей удалось голыми руками вытащить гвозди, загнанные много лет назад в твёрдое дерево, осталось неизвестным.

– Ларни! – только и смог пролепетать священник дрожащим голосом. – Зачем?!

– Я не хочу, чтобы ему было больно! – заявила девочка и крепче прижала к себе свёрток.

Старик долго смотрел на неё, а она стояла напротив, также с вызовом глядя ему в глаза, и не делала никаких попыток убежать. Так они молчали несколько минут, потом священник встал, ласково взял девочку за руку, отвёл на скамейку, а сам устроился напротив.

Они беседовали до полудня. Старик не пытался отобрать у неё свёрток, но когда солнце подошло к зениту, она сама отдала ему бронзового человека, хоть её глаза и были полны при этом слёз.

С тех пор Ларни постоянно носила на шее маленький деревянный крестик на прочном кожаном ремешке. Этот крестик вырезал для неё сам падре, но на нём не было изображения распятого, а виднелись лишь буквы – И.Н.Ц.И.

Священник рассказывал, что это был добрый Бог, которому люди сделали много плохого, но он не перестал их любить за это. Его культ, когда-то распространённый повсеместно, был запрещён много лет назад, пришедшими к власти поклонниками рогатого бога, повелителя зла. Запрещён и забыт, так что забылось само имя распятого. Забылось и значение букв, написанных обычно над его головой. Кое-кто утверждал, что его имя заключено, как раз в этих буквах, поэтому его все стали называть – Инци.

Ларни никогда не пропускала проповедей старого священника и всегда слушала его рассказы о жизни и учении святого Инци, устроившись в первом ряду и широко открыв свои синие глаза, как будто могла увидеть воочию события, о которых шёл разговор.

Но сегодня её почему-то не было. Впервые за шесть или семь лет. Обнаружив это, люди заволновались и быстро сошлись на том, что девочку надо срочно найти. Все ещё хорошо помнили, как она дважды пропадала в детстве, один раз на полдня, а второй на целые сутки. Оба раза её находили в лесу, сначала в зарослях малины, а потом среди стада диких кабанов, где она благополучно спала среди поросят, окружённая седыми секачами и свирепыми, но такими тёплыми свиноматками.

Кабаны тогда, почуяв людей, сразу снялись с места, но не убежали, а изготавились к битве, мгновенно приняв боевой порядок, словно были не животными, а опытными воинами. Охотники подняли свои тугие луки, но никто не выстрелил – все понимали, что раненые звери

могут затоптать ребёнка. После нескольких минут противостояния Ларни сама выбежала на зов Маранты, а оба "войска" разошлись в разные стороны, не причинив друг другу вреда.

Это случилось, когда всеми любимому бесёнку не было ещё и пяти лет, но сейчас девочке исполнилось двенадцать, так неужели она снова убежала в лес?

Священник объявил проповедь оконченной и прихожане быстро разошлись по домам, чтобы взять тяжёлые топоры и охотничьи луки, без которых нельзя углубляться в лес дальше нескольких шагов. Но спасательный поход не состоялся – Ларни нашлась сразу.

Её обнаружили дома, и когда Стефан увидел сестру, его нижняя челюсть упала, и рот оставался открытым до тех пор, пока Маранта не вернула его челюсть на место, подняв за подбородок, покрытый светлым юношеским пушком. А увидели они вот что – Ларни стояла посреди своей комнаты одетая в охотничий костюм, состоявший из замшевой куртки с капюшоном и кожаных штанов. На маленьком столике перед ней лежали длинный нож с костяной рукояткой, небольшой топорик и лук, который отец сделал ей прошлой зимой. Больше всего Стефана почему-то поразило то, что она была обута в его старые летние сапоги, которые стали ему давно уже малы, но были отложены для Руфуса.

Ларни взглянула на вошедших исподлобья, но не смутилась, а продолжила укладывать заплечный мешок, уже наполовину чем-то набитый.

– Куда собралась? – спросила Маранта, в то время как остальные ошарашено молчали.

– Туда... – неопределённо махнула рукой Ларни. – Туда откуда пришла ты! Дедушка говорит, что там мир, наполненный одним злом, но я в это не верю! А если там действительно много зла, то это зло нужно уничтожить, чтобы добру было, где жить!

– И ты собираешься сделать это в одиночку?

– Если понадобится, то да! А если кто-нибудь хочет пойти вместе со мной, то я буду рада...

– Я монстр! – вдруг крикнула Маранта, как это бывало на их тренировках, когда должна была последовать особенно жестокая атака.

Рука матери со свистом рассекла воздух, нацелившись в переносицу дочери, но та мгновенно схватила прялку, (подарок одной сердобольной соседки, который так и стоял в углу её комнаты без дела), и заблокировала этот удар. Судя по тому, что прялка осталась цела, Стефан понял – удар был нанесён не в полную силу. Ему не раз доводилось видеть, как Маранта ломает ребром ладони крепкие и толстые палки, удивляя этим взрослых мужиков с пудовыми кулаками, которые не могли проделать ничего подобного. Она и детей своих учила этому странному искусству, но пока ни у кого из них не получалось повторить это с такой лёгкостью.

От следующего удара, нанесённого ногой, Ларни просто увернулась, но в то же мгновение левая рука матери с растопыренными пальцами упёрлась ей в грудь и прижала к стене с такой силой, что девочка крепко стукнулась затылком о твёрдые сосновые доски.

Немного подержав дочь таким образом, (как кошка держит пойманную, но ещё живую мышь), Маранта отступила на шаг и скрестила руки на груди. Ларни сползла по стене вниз и, так и осталась сидеть, хлопая глазами и ловя ртом воздух, не в силах ничего сказать.

– Когда сможешь проделать со мной, то же самое, иди куда хочешь! – жёстко сказала воительница и вышла из комнаты.

Отец сочувственно поглядел на поверженную девочку, пожал плечами и последовал за женой, таща за собой недоумевающего Руфуса. В комнате Ларни, кроме неё, остался один Стефан.

Несостоявшаяся путешественница подняла на брата глаза, в которых не было ни слезинки, потом ещё несколько раз глотнула воздух, поперхнулась и наконец, проговорила хриплым сдавленным голосом:

– Ты пойдёшь со мной, когда я смогу её победить?

Стефан ответил не сразу. Он опустился перед сестрой на одно колено, как рыцарь из древних сказок, немного помолчал и сказал, глядя ей прямо в глаза:

– Я пойду за тобой когда угодно и куда угодно, чтобы защитить тебя от любой опасности и... от тебя самой!

Глава 6. Там есть малина!

Никто из ныне живущих в "Междустенье", (как иногда люди называли свой посёлок), не видел целой ту крепость, среди руин которой они обитали. Когда прадеды нынешних охотников пришли сюда, гонимые врагом, о коем их потомки имели весьма смутное представление, от могучих укреплений осталась лишь мешанина железобетонных обломков, покрытых мхом и дёрном, поросших кустами и чахлыми деревьями. Некоторые из этих обломков взрыв закинул далеко в лес, кстати, тоже пострадавший тогда, но за долгие годы ухитрившийся вырасти заново. Непроходимые буреломы, состоящие из толстенных вековых стволов, располагались, словно солнечные лучи, центром которых была погибшая крепость. Они лежали, обратив к ней вывороченные корневища, указывая прочь иссохшими кронами, словно убитые люди, судорожно вытянувшие руки туда, где их ждало и не дождалось вожаемое спасение.

Крепость никто не штурмовал, она была уничтожена одним страшным ударом, сразу покончившим и с самим сооружением, и с его защитниками. Смерть упала из-за облаков, а защиты от неё не было. Она испарила людей, расплавила металл, искрошила камень и бетон. По странной прихоти при этом остались целыми два фрагмента стен, располагавшихся, когда-то концентрическими кругами, один внутри другого.

Кусок той стены, что была внутри, при жизни крепости был выше наружного, но он принял на себя большую нагрузку, чем внешний, а потому был более избитым и выщербленным, и даже "клюнул" одним концом, что отчасти уравнило его по высоте с уцелевшим собратом. Впрочем, обе стены стояли достаточно прочно и обещали простоять так ещё не одно столетие.

Сейчас бывшая крепость походила на холмистую равнину, гулять по которой было непросто и опасно, из-за торчащих повсюду кусков ржавой арматуры и грозящих уйти из-под ног плит, изломанных и наваленных, как попало. Да там никто и не ходил. Люди быстро поняли, что в древних руинах легче было сломать себе шею, чем поживиться чем-то полезным, и потому обходили это место стороной. Само собой, детям было строжайше запрещено соваться в развалины находящиеся под боком но, само собой, этот запрет никоим образом не касался некоего бесёнка в юбке и его неизменного спутника.

Ларни наведывалась в лабиринт железобетонных холмов с малолетства, а Стефан не мог оставить сестру на произвол судьбы, хоть сам ни за что не пошёл бы туда по доброй воле. Вот и в тот день он, как это бывало и раньше, хмуро шёл сзади, глядя в спину сестры, уверенно направлявшейся вглубь запретного места. Его негодование вполне можно было понять, ведь он мог бы провести время и получше. Например, отправиться с друзьями на охоту. Они звали его, как раз сегодня, и он знал, что никто не был бы против, захвати он с собой туда Ларни.

Но сестра, умевшая красться по лесу не хуже рыси и попадавшая из лука в детское оловянное колечко с пятидесяти шагов, охоту, как таковую, не любила. Зато она любила животных, всех подряд и ненавидела, когда их приходилось убивать ради пропитания, хоть и не была вегетарианкой. С Ларни лучше было бы пойти купаться на реку или к небольшому лесному озеру, но с недавних пор и это стало представлять проблему.

Да, его сестра выросла, как и он сам. В свои семнадцать лет она, хоть и не обладала ни высоким ростом, ни статностью взрослой женщины, но Стефан знал, что она почти достигла возраста невесты, и виднее всего это было, как раз во время купания.

Ларни с детства не стеснялась перед ним своей наготы, хоть священник и много говорил молодёжи о запретах на этот счёт. Не стеснялась она и сейчас, видя в нём брата, а не парня, не мужчину... Она-то не стеснялась, а вот он...

Двадцатидвухлетний Стефан давно уже всё знал и давно всё чувствовал. Знал он и то, что их родство не является кровным, что было бы непреодолимым препятствием для любви. Но имел ли он право любить Ларни, как женщину? Этого он не знал. Однако купаться вместе

они перестали уже год назад, когда он стал чувствовать непреодолимое волнение при виде её обнажённого тела.

Это волнение он чувствовал даже сейчас, глядя на то, как пара стройных девичьих ног мелькала у него перед глазами! Когда он переводил взгляд выше, легче не становилось – из-за жаркой летней погоды девушка надела лёгкий сарафанчик, под которым не было никаких признаков белья, так что вся её ладная фигурка прекрасно угадывалась сквозь тонкую ткань. Потому у Стефана кружилась голова и заплетались ноги, от чего он уже пару раз чуть не растянулся, зацепившись за торчащую то тут, то там проволоку. В результате он шёл злой и угрюмый на радость ехидствующей Ларни, которая не упускала случая над ним посмеиваться.

Так они прошли почти до середины "нехорошего места", когда Стефан разворчался окончательно.

– Ну и что ты здесь забыла? – говорил он, отряхивая с волос паутину, под которой сестра прошла без помех. – Здесь искать нечего, разве что крапиву с репейником!

– Или малину.

– До неё ещё добраться надо, а в малиннике, между прочим, змеи водятся!

Ларни оглянулась и спрятала улыбку. Большой ребёнок! Большой, сильный, как медведь, но такой наивный и милый ребёнок! Брат... (или нечто большее, чем брат?), она ещё не решила, точнее не поняла, но он в её глазах превосходил всех парней, что были в посёлке. Ну, разве, что Мартин, громадный неуклюжий увалень был сильнее... раз в пять, а то и в десять, но Мартин вечно спал на ходу и не помещался ни в один дом. Что же касается девушек, то Мартин глядел на них вечно усталыми глазами и похоже предпочитал встречаться с ними скорее во сне, чем наяву, а вот Стефан нет...

Стефан смотрел на женщин и девушек посёлка взглядом голодного хищника, но он был честен, благороден и... застенчив! Ларни видела это, но в отличие от сверстниц и тех, что постарше, не смеялась над братом, а гордилась им! Да, да! Гордилась! Ведь он был на полголовы выше своего отца, прославленного охотника, а в плечах не уступал ни одному из мужчин. Только юношеская худоба выдавала в нём вчерашнего мальчика, но могучие руки могли уже спорить с любым из известных силачей, (сонный Мартин не в счёт!), а быстрота порывистых движений давала ему преимущество перед самыми опытными охотниками. (Блин! Да причём здесь всё это? Любила она его и точка!).

И такого парня в упор не видят эти куры-сверстницы? Зато они плывут, словно масло на солнце перед любым языкастым хвастуном, который и в подмётки Стефану не годится! Что ж, если Стефан не найдёт себе пару, она сама будет ему женой и, как положено хорошей жене, родит пять, а то и десять наследников!

Правда тут была одна немаловажная загвоздка – ей совершенно не хотелось рожать наследников, (по крайней мере, сейчас), равно, как и быть чьей-либо женой.

Нельзя сказать, что Ларни совсем не смотрела на парней, живших по соседству. Некоторые из них ей нравились, и всё же... Сейчас ей никто не был нужен, как мужчина, в том числе и Стефан, а потому она была бы по уши рада, если бы у брата появилась подружка. Хотя бы Виллана – высокая полногрудая красавица... с совершенно пустой головой. Зато она могла бы родить целую кучу мелких пискунов, а Ларни взялась бы за их воспитание!..

Но нет, Виллана не замечает её брата в упор, зато на сонного Мартина смотрит, словно на пряник! Что ж, каждому – да по сути его, или что там говорил по этому поводу дедушка? Ладно, не Виллана, тогда Юнга! Вот у кого голова на месте, впрочем, всё остальное тоже. Но, несмотря на весь свой немалый ум и красоту, Юнга, словно тень, ходит за Кидасом, соседским хлюпиком, у которого язык, что твоё помело! Нда, придётся видно обойтись без этих красоток, и взять всю заботу о Стефана на себя. Не хочется, но ради брата, всегда готового сунуть за неё голову монстру в зубы, она пойдёт на всё! А может всё-таки подружка найдётся?

– О чём ты думаешь? – опять раздался недовольный возглас Стефана.

Ларни оглянулась. Она по-видимому и впрямь задумалась, раз зашла на самый край изломанной плиты, тотчас покачнувшейся под её весом. Так можно и сломать себе что-нибудь! Но признавать свои ошибки она не хотела, а только презрительно хмыкнула и легко спрыгнула вниз, продемонстрировав ловкость юной козочки. Стефан вскинулся было, чтобы поймать её, но сообразил, что это ни к чему, опустил руки и даже спрятал их за спину, как будто испугался, что его жест будет неправильно истолкован.

Это не ускользнуло от Ларни, лицо которой сразу же приняло хитрое выражение. Девушка сделала шаг вперёд и оказалась стоящей вплотную с парнем ещё не сообразившим, что он попался в ловушку. Она быстрым, кошачьим движением положила руки ему на плечи, слегка подпрыгнула и чмокнула его в губы раньше, чем он успел отпрянуть от неожиданности!

В следующее мгновение Ларни убежала вглубь лабиринта, заливаясь звонким смехом. Стефан постоял несколько секунд, бестолково хлопая глазами, затем густо покраснел, сорвал растущий рядом куст крапивы и ринулся догонять расшалившегося бесёнка!

Сейчас он покажет этой девчонке, как опасно шутить с взрослым охотником! Он мигом догонит её и засунет эту крапиву за шиворот! Она быстра, но он быстрее! Она ловка, но он здесь охотник, а она дичь! Пусть только попробует спрятаться, он разыщет её, где уго...

Земля, вдруг ушла у него из под ног, и парню показалось, что весь мир опрокинулся! Туча пыли, словно брошенная в глаза огромной рукой, заслонила свет и совершенно ослепила его, погрузив в одно мгновение в непроглядный мрак. Вдруг, что-то твёрдое страшно ударило его в лицо, от чего перед глазами вспыхнули мириады искр, тут же превратившихся в чёрные точки, которые затем слились в одно непроницаемое облако. Последнее, что услышал, теряющий сознание Стефан, был крик Ларни, донёсшийся откуда-то из темноты.

Тем временем, совсем недалеко, в крепости происходил следующий разговор:

– Мара, ты знаешь, куда отправилась Ларни?

– Знаю, Михал! Они со Стефаном снова шляются по развалинам.

– И ты не боишься?

– Боюсь, как и ты, но ведь их же двое, а кроме того в её возрасте я уже убила первого врага. А через три года познала первого мужчину.

– Ну да, а с ней может случиться наоборот.

Маранта искоса взглянула на мужа. У них не было друг от друга тайн, и он всё знал о её прошлом. Правда, честный охотник, выросший среди лесов, не всё понимал из её рассказов, но он принимал любимую женщину такой, какая она есть, не осуждая и не пытаясь переделать в соответствии со своими представлениями о "правильной жене". А её дочь растил, как свою.

Маранта отвечала ему тем же. Она давно полюбила его, тихо и нежно, как любил её он. Между ними не было той бурной страсти, что присуща юности, но их чувства были взаимны и глубоки, и не ослабевали с годами. Сравнивая его с теми мужчинами, которых она любила раньше, Маранта всегда приходила к одному и тому же выводу, что милосердная судьба сказочно расщедрилась для неё, оборвав цепь головокружительных приключений и подарив то, что больше всего нужно женщине – настоящего мужчину, друга и защитника. Такой не подведёт и не отступится. А ещё, он беспокоится о Ларни больше чем она сама!

– Чему быть тому не миновать! – сказала она с лёгким вздохом. – Но, по-моему, бить тревогу ещё рано – Ларни ни о чём таком пока не думает...

– Ларни может быть и не думает, а вот за Стефана я не поручусь!

Он был прав. Ларни в этой компании верховодит, но она ещё девчонка, а Стефан совсем уже взрослый юноша, почти мужчина...

Сзади послышался шорох. Оба супруга обернулись и увидели Руфуса, стоящего на пороге с книгой в руках. Младший за последний год тоже заметно вырос и уже уверенно превращался из ребёнка в подростка. Он по-прежнему оставался молчаливым, тихим и скромным, что усу-

гублялось любовью к книгам, которую привил ему священник. К десяти годам он уже прочитал все книги, нашедшиеся в крепости, и теперь пошёл по второму кругу.

Вот и сейчас он держал одну из них в руках и смотрел на родителей с каким-то страхом. Маранта даже подумала, не услышал ли он чего лишнего из их разговора.

– Что ты, милый?.. – начала она, но замолчала, увидев круглые, почти безумные глаза сына.

– Там... что-то страшное! Там... беда! – проговорил Руфус, каким-то потусторонним голосом.

– Где? – спросили его родители хором.

– Там! – повторил младший и показал пальцем в сторону окна, за которым виднелся маленький дворик с мирно расхаживающими курами.

Маранта проследила за его рукой, и вдруг у неё преболжно защемило сердце! Руфус показывал в ту сторону, где за высокой стеной находились развалины, куда пару часов назад ушли Ларни и Стефан! Она хотела что-то сказать, но в этот момент земля вздрогнула.

Земля вздрогнула, словно её встряхнули. Не сильно, но коротко и резко, как встряхивают мешок с крупой, чтобы та немного осела и освободила место для засыпки дополнительной порции. Затем раздался звук. Жуткий, скрежещущий, будто какой-то немислимый великан с усилием открывал туго засевшую крышку великанской жестяной банки. Потом что-то страшно ухнуло, словно тот же великан уронил на землю гирию размером с большой дом, земля вздрогнула ещё раз и всё стихло.

Маранта и Михал посмотрели друг на друга и, не говоря ни слова, опрометью выбежали вон из дома. Руфус выронил книгу, потом упал на колени и закрыл лицо руками. Если бы кто-нибудь видел его сейчас, то подумал бы, наверное, что он плачет. Но он не плакал. Он постоял некоторое время на коленях, дрожа мелкой дрожью, потом завалился набок и так застыл, придавленный свалившимся на него несчастьем с которым, как он знал, ничего нельзя поделать.

Так он пролежал довольно долго, и поднялся на непослушные ватные ноги только тогда, когда за окном уже стемнело. В доме, по-прежнему, никого не было. Руфус прошёл к себе в комнату, сунул руку под подушку и вытащил оттуда небольшой деревянный крестик, такой же, как у Ларни.

– Инци! – пролепетал он почти не слышно, глядя на загадочные буквы, вырезанные на одном из лучей. – Помоги, Инци! Приди, пожалуйста, ведь ты же добрый и всё можешь! Спаси их, Инци, прошу тебя!.. Верни их!!!

Глава 7. В подземной печи

Ларни открыла глаза и уставилась в темноту. Где она? Что с ней? Вроде бы только что она бежала, петляя между нагромождениями из старинных обломков и вдруг... А что случилось потом, она не помнила. Вроде раздался какой-то, не то грохот, не то скрежет, потом был сильный толчок... или она упала и обо что-то ударилась? Девушка не могла припомнить этого наверняка. Но ведь как-то она оказалась здесь, в темноте, лежащая на спине на чём-то холодном, неровном и шершавом?

Ларни попробовала пошевелиться. Тело послушалось, но отозвалось изрядной болью. Значит, она всё-таки упала и основательно приложилась о твёрдую поверхность чего-то пока неопределённого. Ладно, пусть так, но она жива и кажется, не сильно пострадала, а это значит, что долго прохладиться здесь нет никакого смысла и надо выбираться туда, где хотя бы есть свет.

Ларни попыталась сесть и тут же пребольно стукнулась головой обо что-то такое же твёрдое, холодное и шершавое, как и то на чём она лежала. Вот это да! Где ж это она на самом деле? Что это за место, в котором потолок расположен на расстоянии вытянутой руки от пола? Она протянула руки и ощупала этот потолок. Похоже он был сделан из того же материала, что и защитные стены её родного посёлка-крепости. Значит, она по-прежнему среди обломков древних строений в руинах, которых они гуляли со Стефаном.

Стефан! Где же он? Как она могла о нём забыть? Надо срочно найти его, вдруг он тоже лежит где-нибудь здесь в темноте? Вдруг он тоже упал?

Но прежде всего, необходимо было хоть как-то сориентироваться, чтобы понять, куда ей двигаться дальше. Для этого Ларни перевернулась на живот и, не обращая внимание, на боль, обжегшую расцарапанную спину, принялась нащупывать на поясе небольшую сумочку с припасами.

Эта сумочка, а точнее мешочек с завязками, называлась по смешному – "киса". Ларни всегда забавляло это название, и она даже вышила на своей сумочке забавную кошачью мордочку.

Киса вмещала в себя немного – гребень, иголку с ниткой, носовой платок, небольшую баночку с мазью от царапин и то что ей было сейчас нужнее всего – огниво и трут. Был здесь и свечной огарок, который через минуту усилий дал крохотный язычок пламени, показавшийся на удивление ярким в крошечной темноте.

Теперь она смогла оглядеться и от увиденного ей стало основательно не по себе! Ларни лежала в узком пространстве между двух огромных плит, нависших горизонтально одна над другой. Причём верхняя плита явно держалась на "честном слове" и если бы ей приспичило сорваться, то девушка могла оказаться растёртой, как зерно меж двух жерновов или раздавленной, как жук, попавший под твёрдый каблук сапога.

И то и другое её совершенно не устраивало, а потому Ларни тут же двинулась по направлению к тому краю, где щель показалась ей шире. Это путешествие было не из приятных и стоило девушке новых ссадин на локтях и коленях, но вскоре она смогла выглянуть за пределы своей ловушки и на высоте человеческого роста увидела внизу пол.

Не теряя времени, Ларни прыгнула вниз и тут же пожалела об этом – пол был усеян битым кирпичом, гравием и стёклами, так что даже её ногам, привыкшим не замечать в лесу древесные корни и колючки, было больно наступать на всё это крошево. Однако Ларни тут же забыла про боль, потому что земля у неё под ногами снова вздрогнула. Ей даже пришлось присесть и опереться на одну руку, чтобы сохранить равновесие. Глухой подземный рокот проворчал что-то недовольным тоном, затем раздался металлический лязг, и вдруг сзади что-то бухнуло, подняв при этом тучу пыли, которая погасила свечку.

Когда Ларни снова смогла зажечь огонь, она наконец-то увидела, что произошло – каменные челюсти, из которых она только что выбралась, захлопнулись, словно досадуя, что упустили добычу. Но долго ужасаться тому, что могло с ней случиться, было глупо, и Ларни вновь принялась за изучение места, в которое попала.

Однако слабенький огонёк не давал возможности рассмотреть, что-либо по-настоящему. Девушка поняла только, что находится в просторном помещении с высоким потолком и, судя по непроглядной темноте царящей вокруг, у этого помещения не было окон. Ничего подобного раньше видеть не приходилось и потому в душу бесёнка стало заползать почти неведомое ей чувство страха. Ко всему прочему свечной огарок вдруг зашипел и начал подёргиваться. Ларни поняла, что сейчас она окажется в темноте, а это значило, что нужно было срочно сделать факел.

После недолгих сомнений она пожертвовала на это дело половину своего платка, которую пришлось навернуть на железную палку, найденную здесь же под ногами и намазать мазью от царапин. Основой этой мази был барсучий жир, а потому новый огонь засветился весело и ярко. Ларни подняла над головой свой импровизированный светоч и наконец, увидела стены помещения, в котором находилась.

Оно было поистине огромным: здесь могли легко поместиться несколько домов вроде тех, которые были в посёлке, вместе с дворами и хозяйственными постройками. Наверное, оно было раньше ещё больше, но часть его была засыпана обрушившемся потолком, как раз там, где сейчас стояла Ларни. Что же касается потолка уцелевшей части помещения, то он утопал во мраке и был виден очень смутно, но девушка подумала, что под ним наверняка свободно уместился бы шпиль их церкви.

Но удивительным здесь были не только размеры помещения, но и то, что в нём находилось. Сначала Ларни подумала, что это очень большие сундуки, сделанные полностью из железа. Потом она разглядела, что все они стоят на колёсах, хоть и впервые в жизни видела колёса такой странной формы.

Некоторое время девушка ходила вокруг этих непонятных предметов стоящих в два ряда в таком строгом порядке, что их можно было сравнить только со скамьями в церкви. Она силилась понять, что же это такое, как вдруг вспомнила мамины рассказы о железных повозках древности. Конечно! Она сейчас находилась в подобии сарая для хранения этих повозок. И стояли они здесь именно тогда, когда случилась катастрофа, погубившая большую крепость.

Они уцелели, но пострадали настолько, что пришли в полную негодность – их железные корпуса были покорёжены и скособочены под действием жара от пламени, вызванного взрывом, у некоторых отвалились колёса и все они глубоко просели на погнувшихся осях, так, что брюхом касались земли. Это были уже не величественные боевые машины, а их жалкие остовы.

И вдруг Ларни вскрикнула! На низкой крыше одной из этих повозок лежал человек. Стефан! Девушка бросилась к брату, обняла его, чуть не потушив при этом факел, но тут же в ужас отпрянула – ей показалось, что он не дышит... Голова парня была окровавлена, лицо мертвенно бледно, а руки холодны, как лёд.

Ужас липкими щупальцами опутал сознание девушки, сковал волю, лишил сил и заставил затрепетать, как осиновый лист на ветру. Но это продолжалось недолго, потому что Стефан вдруг шевельнулся и застонал.

Жив! Ларни взяла себя в руки, воткнула факел в какое-то углубление на корпусе повозки и стала осматривать брата, осторожно поворачивая руками его голову. Слава Инци, череп был цел, но на лбу виднелась изрядная ссадина.

– Ларни, что случилось? – вдруг спросил Стефан, внезапно приходя в себя.

– Не знаю, – ответила девушка.

– А где мы?

Ларни посмотрела по сторонам, потом себе под ноги и наконец, подняла голову вверх. Она не успела хорошенько поразмыслить над этим вопросом, но ответ напрашивался сам собой.

– По-моему мы под землёй, – наконец произнесла она, хоть пока не знала, как подтвердить эту догадку.

– А как мы сюда попали?

– Провалились, наверное.

– А как же?..

– Откуда я знаю? Лежи смирно, не дёргайся!

Она оторвала несколько полос от подола своего сарафана, так что он превратился в майку едва прикрывавшую бёдра, и перевязала этими примитивными бинтами голову брата, смазав предварительно его ссадины остатками барсучьей мази. О своих ссадинах Ларни как-то забыла.

"Ну вот, придётся сверкать снизу булками! – подумала она. – Ладно, ему сейчас не до этого!"

Стефану и впрямь было не до того – его мучило, а при попытке встать голова закружилась так, что он со стоном опустился обратно. Ларни поняла, что у неё в душе нарастает паника. Так вели себя люди, получившие на охоте тяжёлую травму головы. Некоторые потом не выжили...

Вдруг она ясно вспомнила то чему её учила живущая по соседству старушка: "Если человек сильно ударился головой и теряет сознание, поднеси ладони к больному месту и делая круговые движения вытягивай из него боль! Только не прикасайся к ранам, а жди, когда боль сама прилипнет к ладоням, но не держи её слишком долго, а то она уйдёт внутрь тебя. Сбрось её вовремя в сторону, чтобы она ушла в землю!"

Стефан почувствовал, что дурнотное состояние вдруг отпустило. Он снова открыл глаза и попытался сесть. На этот раз у него получилось, и тогда он увидел, что Ларни явно в состоянии некоего транса выделяет вокруг него пассы руками, закатив глаза, что-то шепча и при-танцовывая.

Опять это ведовство и знахарство, которое так ругает священник! Но ведь ему и впрямь стало легче, к тому же священника здесь нет, а если Инци не простит Ларни этот грех, то он, Стефан будет крайне удивлён и разочарован!

Стефан протянул руку и дотронулся до обнажённого плеча сестры. Девушка вздрогнула, остановилась и заморгала глазами, словно пробуждаясь от глубокого сна. Потом она с видимым усилием подняла руки и встряхнула ими, будто хотела сбросить что-то прилипшее к ладоням. Вдруг она покачнулась, теряя равновесие, и упала бы, если б Стефан не поймал её и не при-тянул к себе.

Тоненькая девичья фигурка утонула в могучих объятиях молодого охотника. Её тело было трепетным и тёплым, маленькая упругая грудь прижалась к широкой груди юноши, и он услышал стук её сердца. Тонкие руки обвились шее Стефана, и нежная щека коснулась его мягкой юношеской бороды. Он подхватил Ларни на руки и усадил себе на колени. Так они долго сидели, молча, когда девушка подняла голову и, глядя снизу вверх, в глаза брата, сказала:

– Я так испугалась, что потеряю тебя...

Стефан не ответил. Он тоже больше всего на свете боялся потерять Ларни, но как высказать это словами? И тогда он просто прижал её крепче и поцеловал в губы. Не шутя и не по-братски, а по-настоящему. И Ларни, которая в жизни терпеть не могла фамильярности, не отстранилась и не оттолкнула его.

Вскоре оба поняли, что им совершенно не хочется отрываться друг от друга, но тут факел зашипел и замигал, так что им пришлось разомкнуть объятия, чтобы не остаться в темноте.

– Надо найти выход, – сказала Ларни чуть смущённым голосом, когда на железную палку была накручена вторая половина её платка.

Стефан согласился, несмотря на то, что именно сейчас ему не хотелось искать никакого выхода из этого замечательного места. Ему хотелось так, и сидеть здесь и держать её на руках, словно она снова была маленькой девочкой. Но вместо этого он поднял факел и отправился исследовать стены в поисках выхода.

Выход вскоре нашёлся в виде широких ворот сделанных из железа и накрепко запертых. Их мощные створки нельзя было не только открыть, но и пошевелить даже на волос. Возможно, с той стороны ворота были забаррикадированы – Стефан несколько раз ударил по воротам кулаком, звук был глухой, как от бочки наполненной солониной. По-видимому, с той стороны и впрямь всё было завалено землёй вперемешку с обломками строений.

– Смотри, там дверь! – вдруг воскликнула Ларни, и Стефан действительно увидел дверь, которую раньше не заметил.

В отличие от ворот, эта дверь была не только не заперта, но даже немного приоткрыта. Правда радость от этой находки была недолгой – дверь оказалась намертво заклинена просевшей балкой. Ларни ещё могла пролезть в узкую щель, но Стефан, хоть и был от природы худым и стройным, не мог просунуть туда даже голову.

В напрасной надежде найти другой выход они ещё раз обошли всё кругом и вернулись к той же двери.

– Тебе придётся пойти туда одной, – сказал Стефан.

– А как же ты? Я не брошу тебя, ведь ты ранен!

– Я подожду тебя здесь, пока ты не приведёшь кого-нибудь на помощь. Ларни в задумчивости поковыряла пыль на полу пальчиками ног.

– Не хочу, – упрямо заявила она. – Я э-э... боюсь, там темно!

Это была откровенная ложь, ведь Стефан знал, что она не боялась темноты даже в детстве.

– Ну, иди же! – мягко сказал он ей. – Если не пойдёшь, мы здесь оба погибнем, а так может, ещё выберемся.

Ларни надулась, но встала и направилась в сторону двери, не говоря ни слова. На пороге она обернулась и подарила Стефану такой взгляд, от которого ему захотелось плакать и смеяться одновременно.

Правда, ему стало сразу не до смеха, когда свет от факела Ларни погас за дверью. Он, конечно, мог бы сделать себе свой, но неизвестно, сколько ему ещё придётся здесь дожидаться, а если бездумно жечь собственную одежду, то можно, в конце концов, оказаться голым. Ждать, конечно, придётся долго, и Стефан постарался подготовить себя к этому.

Он представил себя на охоте выжидающим появления, ну скажем медведя или лося! Так было легче скоротать время в полной темноте и одиночестве. По опыту он знал, что зверь может не появиться сутки или больше, а потом вдруг возникнуть, как будто из ниоткуда! Поэтому, чтобы вернуться с охоты живым и с добычей, нужно большое терпение и внимание...

Страшный грохот прервал его размышления и заставил вскочить на ноги! Глаза Стефана тут же полезли на лоб – двери не было! На её месте зиял пустой проём, подсвеченный с обратной стороны неровным мерцающим светом. Через несколько секунд в проёме появилась Ларни, которая трясла головой и пыталась прочистить уши мизинцем. По-видимому, грохот, от которого подскочил Стефан, оглушил её.

– Как ты это сделала? – спросил он контуженную звуком девушку.

– А? Что? – Ларни ещё не пришла в себя после грохота. – Ты про дверь? Всё просто! Там за дверью площадка такая, а на краю каменюга лежал здоровенный! Так я его проволокой обвязала, а другой конец примотала к двери, ну и столкнула вниз!

Стефан поглядел на сестру так, будто в первый раз её увидел. Потом он взял факел и вошёл в открывшийся проём. За ним обнаружилась лестница, сделанная из железа, как и всё в этом странном мире, кроме того, что было сделано из цемента.

С первого взгляда было ясно, что путь наверх намертво закрыт сдвинувшимися плитами, смявшими лестницу, словно она была из бумаги. А вот вниз ступени уходили на головокружительную глубину. Где-то там, в проёме, как на дне колодца лежал камень с привязанной к нему, словно вырванный зуб, дверью. Стефан и Ларни переглянулись. Им не надо было туда, но наверх отсюда попасть не представлялось возможности. Что ж, значит, выбора у них не было, и они пошли вниз.

Глава 8. Где они, Руф!

Маранта стояла на краю гигантской земляной воронки и смотрела, как десятка три мужчин с ломами и лопатами пытаются найти, что-то на дне этого кратера, возникшего на месте древних развалин. Бесполезно. Маранта это понимала лучше других, а ведь там были её дочь и сын. Но почему-то ей не верилось, что они погибли. Она много раз задавалась вопросом – не происходит ли её уверенность в том, что они живы из самоуспокоения? Но сердце, вскинувшееся во время катастрофы, словно норовистый конь, сейчас билось ровно и спокойно.

Кто-то доверчиво прижался к её боку и она, не оборачиваясь, положила ему руку на голову, потому что знала, что это Руфус. Вот кто ещё не верил в гибель брата и сестры. Ну, разве что ещё священник. Впрочем, нет, он только призывал верить и надеяться, а сам не верил, хоть и вместе со всеми был сейчас в воронке.

Маранта увидела, что к ней направляется Михал. Запылённый, уставший, ведь он работал часов пять без передышки. На её немой вопрос муж только покачал головой и бросил на землю заступ. Охотник сел рядом с женой прямо на землю, и Маранта положила ему руку на голову, как до этого младшему. Она невольно сравнила сейчас отца и сына. Ничего общего! Внешне Руфус был похож на неё, а внутренне – сплошная загадка. Вот Стефан был вылитый отец и снаружи и внутри, а Ларни...

Ларни была копией Золаса, командира лихих разбойников, её друга и любовника из прошлой жизни. Той самой жизни, где Маранта каждый день сражалась, чтобы выжить самой или кого-то спасти, а рядом с ней сражались, жили и любили необыкновенные люди, которых она больше никогда не увидит в жизни. А ведь она тогда носила под сердцем дитя лучшего из них...

Маранта тряхнула головой, отгоняя воспоминания. Сейчас надо думать не об этом, а о том, что это дитя потерялось и его надо обязательно найти.

– Где они, Руф?

От этих слов Маранта вздрогнула, как будто её окатили ледяной водой. Вздрогнула потому, что их произнесла не она, а Михал. Её муж не верил ни в ясновидение, ни в предсказания, но сейчас он спрашивал младшего, который уже доказал, что может видеть, слышать и чувствовать больше других.

Руфус помедлил, потом закрыл глаза, поднял руку к небу и медленно опустил её, указывая куда-то вдаль.

– В лесу?!

Михал вскочил, всматриваясь в лес по ту сторону воронки, будто мог разглядеть там потерянных детей.

– Нет, там. Под землёй, – сказал Руфус, не открывая глаз.

Маранта проследила за его рукой и поняла, что она указывает не параллельно поверхности земли, а под углом вниз.

– Они живы, – продолжал Руфус, – они идут... Инци ведёт их!

– Как? Куда?

Михал порывисто схватил младшего и развернул его лицом к себе.

– Туда, – был ответ тихим прерывистым голосом. – Прочь. Им нет обратной дороги. Пока нет...

Маранта отобрала сына у мужа, прижала палец к губам, и красноречиво поглядев на него, пошла по направлению к дому, уводя Руфуса с собой. Михал остался один на краю воронки. Некоторое время он ещё смотрел в том направлении, куда показал младший, потом подобрал свой заступ и спустился к остальным, чтобы продолжить поиски.

Глава 9. Вниз

Через четыре марша лестницы вниз, обнаружилась такая же дверь, но она была накрепко закрыта. Ещё через четыре марша была следующая, тоже закрытая, а ещё через четыре – распахнутая настежь. Мало того, что она была распахнута – на её пороге лежал человек.

Точнее это был человеческий скелет, одетый в грубую, странного вида одежду. Куртка и штаны на нём представляли единое целое, на ногах были сапоги, сшитые непонятным образом, так что не было видно швов, а на голове круглая, гладкая шапка, твёрдая на ощупь, чёрная и блестящая, когда с неё смахнули пыль. Шлем! Они вспомнили, что такие защитные шапки из стали носили воины в том мире, откуда пришла Маранта, но этот шлем был сделан не из стали, а из чего-то похожего на кость.

Человек лежал на животе, лицом вниз, вытянув руки в сторону лестницы. Непонятно было, что убило его, но это явно был не огонь. Этот этаж подземного хранилища совсем не пострадал от огня. Когда Ларни и Стефан вошли внутрь, то увидели такие же ряды железных повозок, как и там, откуда они спустились, но эти повозки оказались совершенно целыми, хоть на них и лежал слой светло-серой пыли.

– Это пепел, – сказала Ларни, проведя пальцем по боку одной из машин.

– Наверно, его нанесло сверху, – предположил Стефан. – А интересные штуковины! Знать бы, как они двигаются?

– Ты думаешь, они ещё могут двигаться? Они же стоят здесь много лет.

– Маранта говорила, что эта техника делалась на века. Вроде бы у короля, которому она служила, было спрятано несколько таких штуковин, и она сама видела, как они ездили.

– Да, я помню, мама про это рассказывала. Но куда и как нам тут ехать, даже если мы сможем оживить одну из них?

Это было справедливо, но Стефан, похоже, придерживался другого мнения. Он внимательно вглядывался в дальний угол помещения, которое было точной копией того первого, за исключением одной детали – его дальний конец не был обрушен и завален обломками. Зато в том конце чёрным провалом зияли распахнутые ворота. Такие же ворота имелись и с их стороны, но они были закрыты.

– Ты думаешь, там есть выход? – с сомнением спросила Ларни.

– Не знаю, но ведь где-то он должен быть? – ответил Стефан. – Может быть, этот путь приведёт нас к выходу?

С этим нельзя было не согласиться, но сначала им захотелось получше осмотреть это новое место. Машины здесь были самых разных форм и размеров. Некоторые стояли на небольших колёсах, колёса же других были огромны. Попадались и такие, у которых колёса были зубчатые, а на них были натянуты широкие плоские цепи из тяжёлых металлических пластин. Но, как Ларни и Стефан не старались, как не ходили вокруг, как не осматривали и не ощупывали эти сооружения с разных сторон, попасть внутрь ни одного из них им так и не удалось.

Вдруг они увидели нечто странное – прилепившись к одной из стен, сбоку стоял небольшой домик с плоской крышей, стены которого были сделаны из стекла. С одной стороны в этом домике виднелась дверь, и она была открыта. Движимые любопытством путешественники вошли туда.

Внутри оказалась пара железных шкафов, стол и несколько стульев. За столом сидел скелет человека, одетого так же, как и тот, что лежал на пороге двери ведущей в хранилище машин. Он уронил голову на руки, протянутые к рычагам и кнопкам, видневшимся на столе, так, что лица его не было видно.

Ребята имели смутное представление об электричестве и электроприборах. Всё, что они знали, было почерпнуто из книг и рассказов Маранты. Например, они знали, что нажа-

тием кнопки или поворотом рычажка на такой вот панели можно заставить работать, какой-либо механизм или зажечь свет. Но сколько они не тыкали пальцами в разноцветные кнопки, сколько не щёлкали рычажками, древняя техника, лишённая электропитания не подавала признаков жизни.

Поняв, что это дело бесполезное, они обратились к шкафам. В первом оказалась одежда. Стефану она была без надобности, а вот Ларни одела бы что-нибудь поверх своего уполовиненного сарафанчика, так-как здесь по сравнению с поверхностью земли было довольно прохладно. Однако все комбинезоны были ей настолько велики, что она казалась ребёнком, влезшим в одежду взрослого. О сапогах речь не шла. Хотя девушке и надоела порядком ходьба по острым осколками и холодному металлу, сапоги, имевшиеся в шкафу не годились – она могла бы влезть двумя ногами в один такой сапог и ей не было бы тесно.

На счастье, кроме комбинезонов, сапог и касок в этом шкафу нашёлся широкий прорезиненный плащ. Ларни пришлось обернуть его несколько раз вокруг себя, а полы поднять и засунуть за пояс. При этом она стала походить на большой колокол с тоненьким пестиком внутри.

Увидев подругу в таком виде, Стефан покатился было со смеху, но примолк под взглядом Ларни и отвернулся к другому шкафу. Тот был заперт, но тонкое железо легко подалось под напором сильных рук охотника и двери распахнулись. В шкафу были ружья.

Оба приключенца хорошо знали, что это такое – в посёлке было несколько разных ружей и винтовок. Маранта даже читала всем желающим нечто вроде лекции о них. Возможно, они ещё могли стрелять, но патроны давно уже кончились, и некогда грозное оружие пару поколений назад закинули в чуланы, как ненужный хлам. Их не перековали на что-то полезное только потому, что в развалинах крепости полным-полно было всякого железа.

Стефан присвистнул. Когда они с Ларни отправились на прогулку, он не взял ни лук, ни топор, ведь шли они недалеко. Из всего охотничьего снаряжения при нём был только нож. Правда это был всем ножам нож, но его всё же было маловато для такой передряги, в которую они попали. У Ларни тоже был на поясе ножик, всё тот же, что и раньше, острый, как бритва, но размером с мизинец.

– Возьмём их с собой! – воскликнул Стефан.

– Думаешь, ты справишься? – усомнилась Ларни. – Ты ведь никогда не стрелял из таких. А вдруг они уже испортились?

– Это можно проверить!

Стефан, недолго думая, схватил ружьё, то что было побольше остальных и принялся его теревить и дёргать. Вдруг раздался грохот, какого им не приходилось ещё слышать. Ружьё резко дёрнулось и выскочило из рук молодого охотника, словно было живым. Одна из стеклянных стен домика вылетела, вынесенная зарядом картечи и рассыпалась на мириады осколков. Ларни зажала уши, а Стефан стоял ошеломлённый не столько звуком, сколько неожиданностью.

– Мама говорила, что держать их надо крепко. – наставительно сказала Ларни и отошла от шкафа.

– А ты, что не возьмёшь себе? – удивился Стефан.

Ларни вернулась, вытащила из шкафа какой-то карабин, взвесила его в руках и поставила обратно.

– Да, ну! Таскать такую тяжесть?

– Как хочешь! Ходить по незнакомым местам без оружия...

– Я возьму вот это.

Девушка протянула руку и достала из шкафа предмет, который Стефан сначала не заметил. Это был изогнутый меч с удлинённой рукояткой в металлических ножнах.

Маранта до седьмого пота гоняла своих детей на уроках фехтования и заставляла заучивать наизусть названия холодного оружия по картинкам, которые сама же рисовала. Никто не мог понять, зачем ей это нужно, ведь охотники таким оружием не пользовались, и единствен-

ным мечом в посёлке была её красавица скьявона, прямая обоюдоострая, с гардой полностью закрывающей руку.

Но бывшая воительница слышать ничего не хотела и могла дни напролёт толковать об эспадомах, кончарах, чинкуэда, акинаках, бреттах, корабелях и прочих длинноклинковых изысках. Потому ни для Стефана, ни для Ларни не было секретом, что перед ними катана – меч легендарного народа о котором давно никто ничего не слышал.

Стефан пожал плечами, но ничего не сказал, а Ларни прицепила катану к своему поясу с такой ловкостью будто делала это всю жизнь. Теперь им надо было продолжать свой путь дальше.

Ценной находкой оказалась куча тряпок, найденных в ящике рядом со стеклянным домиком, а также жестяные банки с несъедобным, противно пахнущим маслом. Теперь у путешественников было вдоволь материала для факелов и можно было смело отправляться в путь. Плохо, что здесь совсем не было никакой еды, а ведь обоим давно хотелось есть, но они понимали, что, скорее всего, придётся голодать до тех пор, пока им не удастся выбраться на поверхность.

За открытыми железными воротами их ждал туннель со сводчатым высоким потолком, под которым было протянуто множество давно не действующих электрических кабелей. Ларни и Стефан до сих пор не видели даже сельской дороги, а тут она была подземной, заасфальтированной и выглаженной, как зеркало. Конечно, им было непривычно и боязно, если не сказать страшно, но оба не подавали вида.

Глава 10. Монстр-страж

Шаги под землёй, еле слышные. Двое людей – большой и маленький. Нет, мужчина и женщина! Змеёж не поднял головы – он не обладал органами слуха и ощущал звуки всем телом.

Шаги были лёгкие, почти бесшумные. Мужчина намного тяжелее женщины, но у него отработанная до автоматизма привычка ходить тихо. Впрочем, у неё тоже. Станные люди, совсем не похожие на тех, что обитали здесь когда-то. У тех была манера ходить, печатающая шаг, громыхая сапожищами, а вот переговаривались они тихо и отрывисто. Эти наоборот, словно скользили над полом, но зато весело и беззаботно болтали, не чуя опасности. Впрочем, Змеёж не умел удивляться. Он просто отметил про себя этот странный факт и изготавился к бою. Страхнув вековую пыль, он вывел тело из анабиотического сна, несколько раз встопорщил и сложил иглы, проверил суставы, синтезировал свежий яд и послал телепатический сигнал – "Всем! Всем!", о появлении врага.

.....
Ларни согрелась во время ходьбы, а потому она сбросила плащ, соорудила из него скатку и водрузила на плечи. Стефан старался не смотреть в её сторону – сестра была едва одета. (Сестра! И всё же следует ли относиться к ней только, как к сестре или нет?)

То, что произошло между ними недавно, было так неожиданно, что смутило и напугало обоих. Они не разговаривали на эту тему, но постоянно ловили на себе взгляды друг друга и при этом отводили глаза. (Сестра... Брат... Или нет? Нельзя или всё-таки можно?) При этом, **что** именно им можно, а что нельзя не называлось своими именами. Их тянуло друг к другу, словно кто-то неведомый затягивал потуже верёвки, которыми они давно уже были связаны.

Стефан не знал, что обо всём этом думает Ларни. Она казалась ему легкомысленной, так-как постоянно болтала и смеялась в то время, как он мучился. А между тем, она была немало обескуражена и раздосадована на саму себя за свой недавний порыв. Ведь она только что решила, что ей никто не нужен, даже Стефан, и что она будет ему женой только в том случае, если он не найдёт себе достойной пары, а случится это не сейчас, а когда-нибудь потом, в неопределённом будущем.

В отличие от него, её не волновали сомнения по поводу их близкого родства. В этом отношении она знала одно – Инци посылает любовь тем, кого сам любит и считает достойными. Остальные размножаются, как скоты и живут несчастными. Страшный грех противиться его воле, и ещё более страшный грех пробовать переделать любовь, подчинить её своим нуждам и представлениям. Тех, кто выдержал все испытания, он награждает детьми, рождёнными в любви, а тех, кто оказался душевно слаб, наказывает одиночеством.

Ларни была неглупой девушкой, но, как все подростки, страдала в своих суждениях максимализмом и наивностью. Проблема для неё была сейчас не в этом, а в том, что же сейчас происходит с ней самой?

Не имея достаточного жизненного опыта, Ларни была сбита с толку. Но она тут же приняла правильное решение – не мучить себя, не дразнить Стефана, а подождать пока жизнь сама всё расставит на свои места.

Они шли по туннелю, предназначенному для проезда машин на большой скорости, и двум пешеходам он казался бесконечным. Несколько раз в боковых стенах находились двери, но они по большей части были закрыты. Только дважды путешественниками "повезло" – одна дверь вела в подсобку с метлами и ведрами, где они впрочем, разжились хорошей верёвкой, а в другой раз их в небольшой комнатке встретил очередной скелет, сидящий за маленьким столиком с пустой кружкой в руке.

Нападение случилось внезапно, но всё же охотничье чутьё проснулось у обоих на полсекунды раньше, и это спасло им жизни. Только что Стефан грубовато отшучивался от незлых, но едких колкостей Ларни, как вдруг...

Смерть упала с потолка в виде капли размером с бочку. Молодой охотник оттолкнул подругу и успел отскочить сам, раньше, чем сообразил, что происходит.

"Капля" грузно шлёпнулась на пол, но не дала тучу брызг, а расплзлась неровной лужей вязкого, полупрозрачного желе. Внутри этого желе, что-то угадывалось, какой-то тёмный сгусток, который перемещался от одного края к другому, напоминая кошмарный гигантский глаз.

Вдруг из общей массы выстрелили несколько щупалец и метнулись к ногам Стефана! Две из них обвилились вокруг его левого сапога и парень почувствовал, как его кожу обожгло словно крапивой даже сквозь голенище, сделанное из шкуры дикого кабана!

Стефан рванулся, что было силы, но щупальца держали крепко! Не только держали, но и тянули добычу к себе, где её уже ждал новый пучок хищно шевелящихся щупалец.

Пойманный охотник схватился было за ружьё, но в одной руке он держал факел, а чтобы успешно воспользоваться оружием, надо было иметь обе руки свободными. Бросить факел он тоже не мог, ведь у Ларни факела не было, и они могли оказаться в полной темноте.

Драгоценные секунды уходили, и замешкавшийся Стефан мог погибнуть по-глупому, но тут раздался свист рассекаемого воздуха и клинок катаны, мелькнув, как серебряная молния, опустился на щупальца твари! Стефан отлетел к стене и с трудом удержал равновесие. Отрубленные щупальца не упали, а растеклись по полу мокрыми змеистыми следами. Ларни ещё раз взмахнула мечом, и серебристое лезвие полоснуло по желеобразной массе, оставив широкий разрез, который тут же затянулся.

В сторону девушки немедленно метнулись несколько щупалец, но Ларни проворно отскочила на безопасное расстояние и прижалась спиной к стене. Однако чудовищная тварь вовсе не собиралась мириться с тем, что добыча ускользает.

Желеобразная лужа вдруг округлилась, набухла посередине бугром размером с откормленного поросёнка, потом этот бугор резко провалился, и вся масса вдруг подпрыгнула с неожиданной скоростью! При этом она в полёте приняла форму полумесяца и шлёпнулась у ног Ларни, готовая сомкнуть концы рогов этого полумесяца вокруг лодыжек девушки.

Отпрыгнуть ещё раз Ларни уже не могла, но в это время оглушительно бабахнул выстрел, и желеобразное чудовище лопнуло, разлившись по полу настоящей лужей тошнотворной жидкости, от которой исходил пар с едким кислым запахом.

Стефан наконец-то справился с ружьём и правильно угадал, что целить надо в тот самый сгусток, плававший внутри этого живого студня. Но тут возникла новая опасность – прозрачная кровь твари была явно ядовита и сейчас она подступала к босым ногам девушки, которой некуда было деться.

Стефан бросил ружьё и факел, тут же замигавший в предсмертной агонии и, подскочив к Ларни, схватил её на руки. И вовремя! Подошвы его собственных сапог шипели и дымились, так что он поспешил отбежать подальше от места схватки.

Когда всё было уже позади и, едва избежавшие гибели, путешественники успокоились, был произведён осмотр и подсчитаны убытки. Больше всего пострадали сапоги Стефана. Их подошвы истончились, будто он носил их много лет, а один каблук оказался меньше другого.

На левой икре парня вздулись две кольцеобразные полосы. Они словно огнём горели, но это жжение уже начало ослабевать. Очевидно, действие яда убитой твари было недолгим. У Ларни на голених тоже нашлись несколько воспалённых точек от брызг крови погибшего монстра.

В общем и целом можно было праздновать победу, но беззаботности у обоих поубавилось. Их беспокоила одна и та же мысль – а вдруг таких тварей здесь много?

Общая подавленность усилилась нарастающим чувством голода, и когда вдруг за изгибом туннеля забрезжил свет, они чуть не припустили бегом, как потом выяснилось к новой ловушке.

Свет, мягкий и неяркий, струился из-за полуоткрытой створки ворот. Мало того, оттуда доносились запахи и звуки леса, столь привычные и знакомые обоим заблудившимся! Ещё немного и они будут на свободе!

Стефан опомнился первым. Хотя ни у кого из них не было часов, (это вообще была большая редкость в посёлке), при несложном подсчёте можно было предположить, что там, наверху сейчас ночь. Тогда откуда же свет?

Парень положил руку на плечо сестры, сделал знак молчания, передал ей факел и, взяв ружьё наизготовку, двинулся вдоль стены вперёд. Через несколько шагов он обнаружил тончайшие нити, протянутые поперёк дороги. Сигнальная паутина! Стоит задеть такую нить и в тебя вопьются жвала того кто её натянул.

С подобными монстрами он уже встречался в лесу и умел предупреждать их нападение. Так, где же ты, тварь?

Засада, вовремя обнаруженная, оборачивается гибельной ловушкой для того кто её устроил. Стефан внимательно осмотрел потолок и стены туннеля. Вроде ничего видно не было. Вдруг он увидел небольшое квадратное отверстие в стене возле самого пола. Было ли это вентиляционное окно или отверстие для доступа к каким-либо техническим коммуникациям, осталось неизвестным, но решётка, которая должна была загораживать вход в это отверстие, валялась рядом, а в тёмном квадратном проёме посверкивало несколько красных точек.

Значит, тот, кто натянул паутинные нити, был там! Стефан усмехнулся, крепче сжал в руках оружие и потрогал одну из паутинок. Существо, размером с крупную кошку, метнулось к нему, на лету разворачивая веер членистых лап!

Охотник даже разглядеть его как следует, не успел. Ружьё в его руках рывнуло, и тварь разлетелась на множество ошмётков! Сразу же вслед за этим исчезли ворота с приоткрытой створкой, исчезли запахи и голоса леса. Вероятно, убитое чудовище обладало способностью к внушению, а так же могло угадывать желания и чаяния жертвы.

Они двинулись дальше, уже не болтая, а оглядываясь по сторонам. Скверно было не доверять собственным глазам! Ведь кто знает? Вдруг, то на что ты смотришь, на самом деле не существует? Вдруг это всё иллюзия?

Глава 11. Приход нового времени

Священник думал, что после выходки Ларни его уже никто не сможет удивить. Но когда он в одно прекрасное утро увидел, что поперёк шпиля церкви привязана перекладина, то понял, что ошибался.

Теперь церковь выглядела так, как некогда храмы Распятого Бога до того, как его культ был запрещён, пришедшими к власти адептами Рогатого. Сам он никогда не видел здания храмов с крестами наверху.

Последователи Инци, даже после обрушения древней цивилизации, когда всем уже стало не до запретов, продолжали строить церкви с гладким шпилем на крыше. Годы тайного поклонения своему Богу научили их конспирации.

Например, вместо крестного знамения, которое налагали на себя их предки, они потихонечку чертили пальцем крест у себя на теле, сунув руку за пазуху или опустив в карман. Для молитвы крест рисовали на стене, а потом тщательно закрашивали краской или заклеивали, и молились на то место, где он был скрыт. Было множество и других ухищрений, но теперь скрываться ни от кого было не надо, и священник только удивлялся, как ему самому не пришлось в голову водрузить крест на крышу церкви?

Но кто же это сделал? Виновник нашёлся не сразу. Он почему-то прятался в тёмном углу церкви, опустив голову ниже спинки скамьи. Священник покачал головой и тихо позвал его.

Руфус не обладал ни смелостью Ларни, ни открытостью Стефана. Зато он мог часами сидеть за книгой и перечитывать текст, который знал наизусть. Нет, он был не труслив, а скорее застенчив и... задумчив. Его привычка всё обдумывать порой раздражала и сверстников, и взрослых, но нельзя было не признать, что он знает о природе вещей, которые попали в поле его интересов, гораздо больше чем все окружающие.

Руфус подошёл, не поднимая головы, словно и впрямь был виноват в чём-то страшном. Священник поймал себя на странной мысли, что хочет за что-то отругать мальчика. Ему вдруг захотелось, чтобы всё вернулось назад, как было прежде, но он понимал, что теперь это невозможно, и как прежде уже не будет ничего.

Он сдержал, подступивший к сознанию, как ком к горлу, протест против этого нового и спросил:

– Откуда ты знаешь?

Руфус долго не отвечал, но наконец, промолвил:

– Мне сказали так сделать.

– Кто?

– Я не знаю. Они невидимые.

– И часто... они вот так говорят с тобой?

– Почти всегда, но чаще во сне.

– А сейчас говорят?

– Да.

– И что же они говорят?

– Что брат и сестра живы, но они далеко. Что скоро они выйдут из под земли, но там где они окажутся ещё страшнее, чем под землёй.

– И всё?

– Нет, ещё они говорят, что Госпожа Судьба сейчас в раздумье, по какой из тропинок ей дальше идти.

Священник посмотрел на новый крест своей церкви. Он точно знал, что ни в одной из книг Руфус не мог прочесть упоминания об этом символе, так как большинство книг он принёс сюда сам. И, тем не менее, крест красовался над церковью, как это было в древние вре-

мена. Значит неведомые "они" существовали?! Тогда и в других словах мальчика должна была содержаться истина.

И всё же он сомневался! Сомневался, хоть сам призывал верить, ждать и надеяться. Но такова уж природа человеческая, что люди охотно верят откровенной лжи, а когда сталкиваются с истиной, требуют доказательств.

Глава 12. Выход

Очередные монстры напали, как и предыдущие, внезапно, но застать путников врасплох не смогли – Стефан и Ларни были готовы к бою и ждали нападения в любую секунду. На сей раз, монстров было целых пять, а их оружием были когти такого размера, какими с лёгкостью можно задрать зубра. Но своё настоящее преимущество они использовать не додумались.

А преимущество это было в схожести с людьми. Если бы эти твари догадались спокойно подойти к путникам, то у них был бы шанс на победу, но они выскочили из какой-то ниши в стене, с рёвом размахивая ручищами и выделявая странные телодвижения в надежде напугать свои жертвы, заставить их окоченеть от страха.

Вместо этого они напоролись на шквальный огонь Стефана, от которого трое погибли сразу, а двое уцелевших встретились с клинком Ларни, которым она в два удара сняла им головы. Два настоящих человека, даже не подумали удивиться тому, как быстро жизнь научила их убивать, чтобы не быть убитым.

Когда всё уже было позади и пять мёртвых тел распростёрлось у их ног, Ларни и Стефан полюбопытствовали, кто на сей раз возжелал их крови? Едва свет от факела выхватил из мрака лица поверженных, как оба победителя отпрянули – все пятеро были похожи на покойников трёхнедельной давности, пролежавших всё это время на солнце. Но из их ран текла живая кровь, да и сама возможность убить эти создания, говорила о том, что это живые существа, ведь, как известно, невозможно убить мёртвое!

По-видимому, тот, кто сделал этих монстров такими, какими их увидели люди, придумал их неудачно – наделив силой и устрашающей внешностью, им забыли дать хотя бы крупицу разума.

Юноша и девушка устали. Они были уже больше суток на ногах без еды и отдыха, но более всего их мучила жажда. Присесть здесь можно было только на одежду, брошенную на пол, но это был скверный отдых, который не возвращал силу, а лишь увеличивал утомление, когда приходилось снова вставать на ноги.

Поэтому, когда они увидели ещё одну дверь в стене, да ещё и рядом с зарешеченным окном, то решили войти туда во что бы, то ни стало. Им повезло, дверь хоть и была заперта, но она оказалась не такой прочной, как предыдущие, и Стефану удалось её выдавить.

Опять удача – в небольшом помещении стояло штук пять аккуратно заправленных кроватей. Там же имелся стол, несколько шкафов и стульев. И, о чудо! В одном из шкафов нашёлся целый штабель из прозрачных тонкостенных бутылок, наполненных водой!

Такие бутылки были им известны. Их называли "вечными" и очень ценили. Они и впрямь не боялись ни холода, ни ударов, ни времени. Ничего, кроме огня. Вода оказалась пригодной для питья, хоть имела странный привкус. Была там, наверное, и еда – шкаф оказался заполнен прозрачными пакетами с зелёной трухой внутри, но эта еда испортилась уже несколько эпох назад.

Итак, проблема с отдыхом и водой была решена. Под вопросом было лишь пропитание.

Ларни спала глубоким сном человека с чистой совестью. Сновидения решили её не беспокоить. Она бы спала так ещё и ещё, но вкусный запах вдруг коснулся её ноздрей и сон мигом отлетел, как будто его смахнули рукой.

Ларни протёрла руками глаза, ещё не понимая, где она и что с ней, но тут же всё вспомнила и заозиралась в поисках источника чудесного запаха. Оказалось, что он исходит из-за двери, где был туннель. Девушка, словно ласка, вынырнула из-под одеяла и побежала к двери.

Там, прямо посреди дороги пылал небольшой костёр, сложенный из обломков деревянных стульев, на котором кипел котелок странной формы. Рядом на корточках сидел Стефан и помешивал в котелке кончиком охотничьего ножа.

– Что это? – спросила Ларни, не веря своим глазам.

– Похлёбка из местных зверьков! – гордо ответил охотник. – Они тут повсюду водятся, а на вкус, как кролики.

– А котелок, где взял?

– Среди касок нашлась одна железная.

Дальнейших вопросов не последовало. Миски и ложки они обнаружили в одном из шкафов, и вскоре парочка приключенцев с удовольствием уплетала похлёбку из крыс.

Наевшись, они ещё немного отдохнули, быстро собрались и отправились дальше. Теперь каждый нёс по паре одеял и несколько бутылей с водой. Кроме того, в узелках была собрана разная мелочь, вроде мисок и ложек.

На Ларни красовалось одно из самых древних человеческих платьев, сделанное на сей раз из простыни, в которой была прорезана дырка для головы. Это одеяние, перехваченное посередине поясом с катаной, доходило девушке до колен, к некоторому облегчению Стефана.

Как это часто бывает, только привыкнешь к тяжёлой, утомительной дороге, а глядишь, она уже и кончилась. За поворотом в глаза путникам вдруг ударил яркий свет, и они увидели ворота, не приоткрытые, а распахнутые настежь.

Однако, наученные горьким опытом, они приблизились к воротам медленно и осторожно. Но никаких паутинных нитей не было натянуто поперёк прохода, никаких членистоногих тварей не таилось в незаметных норах и в переплетении кабелей над головой. За воротами был яркий день, а выходили ворота в поле.

Это было само по себе чудом. Жители лесов никогда не видели такого простора, такой широты для глаз, такого "далёкого далека". Казалось невероятным, что возможно что-то увидеть на таком расстоянии. А посмотреть там было на что, потому что вдалеке виднелся... город.

Они видели изображения городов на старых выцветших картинках, но чтобы вот так, на самом деле!.. Город манил, он притягивал! Как можно было противиться этому зову? Но прежде чем продолжить путь, путешественники решили оглядеться.

Они находились у подножия высокого холма, внизу которого виднелись восемь таких же ворот, из которых они только что вышли. Можно предположить, что к каждым из этих ворот подходит свой собственный туннель, который ведёт к хранилищу боевых машин. Значит, наверно, было задумано так, что в один прекрасный день эти ворота откроются, и полчища машин ринутся защищать город. Или громить его... Сейчас это было не ясно.

Но это было и не важно, а важно было то, что из восьми ворот выстроившихся в ряд у подножья холма были открыты только одни – те, из которых только что вышли Стефан и Ларни. Случись им пойти по другому туннелю, они бы сейчас оказались перед закрытыми воротами и вынуждены были бы повернуть назад, вглубь земли.

Стефан оглянулся. Где-то там, за холмом должен быть обрыв каньона. Теперь понятно, почему дорога шла всё время вверх. Возможно, если этот обрыв не очень высокий, то они смогут спуститься вниз и через две-три недели ходьбы по лесу, окажутся дома или хотя бы в знакомых местах. Стефан посмотрел на Ларни. Глаза бесёнка горели! Ей не надо было ничего объяснять, она и так знала все мысли брата, как и он, знал её мысли.

– Мы только посмотрим и назад, – сказала она, и это было не предположение, а утверждение.

Стефан подчинился, как всегда подчинялся её несокрушимой воле. Подчинялся с радостью и с каким-то внутренним облегчением. (Ну вот, теперь вся ответственность за затею лежит на Ларни, а я просто иду за ней и смотрю, чтобы ничего плохого не случилось!) И они пошли к городу.

В этом поле не было тропинок, и идти по нему оказалось задачей нелёгкой. Трава здесь была выше человеческого роста, вскоре вокруг ничего не было видно, кроме травы. Но они

знали, что город находится на юге, а чтобы попасть домой надо идти на север. И они двинулись на юг. А в спины им в это время смотрели два холодных злобных глаза.

Змеёж не знал, что такое эмоции. Из всех чувств ему была знакома только злоба, которая была таким же оружием, как клыки и колючки. Но сейчас он злился не на людей, а на своих собратьев. Слишком мало их откликнулось на его призыв, а те, что откликнулись, оказались недопустимо слабыми для борьбы с людьми.

Но ничего! Люди отправились в город, а это значило, что он успеет призвать ещё достаточно монстров, прежде чем они, достигнут городской окраины.

Глава 13. Вопреки благоразумию

Маранта в полном охотничьем снаряжении шла вслед за Михалом. Она знала, что это безумие, он знал, что это безумие, все знали, что это безумие. Но она шла спасать своих детей, где бы они ни были.

Дома остался только Руфус. Точнее его оставили не дома, а у священника, иначе мальчик увязался бы за ними, даже если б его заперли. Воительница, конечно, размышляла над вопросом, не взять ли сына с собой, ведь он мог указывать направление, но теперь ей казалось, что она сама хорошо чувствует дочь. И младшего решено было оставить, хоть отец и ворчал, что ему полезно было бы сходить в поход, ведь среди сверстников он слыл неуклюжим и рассеянным, то есть плохим охотником, а худшего оскорбления для парня придумать было невозможно.

Но Маранта объяснила мужу, что они идут не на охоту, а в спасательную военную экспедицию. Это значило, что опасности, с которыми они могут столкнуться, несравнимы с теми, что бывают на охоте. Михал согласился, но она видела, что муж до конца не понимает о чём идёт речь. Он не знал, а она знала, и потому у неё на боку снова красовалась скаявона.

Боже! Как давно она не чувствовала на бедре эту приятную тяжесть! Маранта поймала себя на том, что поминутно гладит рукоять меча, словно любимую кошку.

Итак, они шли уже третий день и Маранту начало беспокоить настроение Михала. Храбрый охотник не представлял, что им придётся зайти так далеко. Ему случалось проводить в лесу целые недели, но при этом он редко удалялся от дома больше чем на пару дней пути. Хоть она ему всё и объяснила, но Михал не мог представить себе подлинного расстояния, на которое удалились Ларни и Стефан.

Ему казалось, что вот сейчас они с Марой найдут какую-то дырку или нору в земле, в которой застряли старшие непоседливые дети, помогут им выбраться, а потом они вместе пойдут домой с шутками и охотничьими рассказами, без которых, как известно и охота, не охота, и еда, не еда. Но дни проходили, а никакой норы не было видно.

Маранта гнала его и себя вперёд, не позволяя мужу отвлекаться даже на ту дичь, которая сама шла в руки. Теперь он понимал, почему она взяла с собой столько еды. При этом ели они мало и ложились спать полуголодными. Зато так легче было идти и они за короткое время покрыли вдвое большее расстояние, чем он обычно проходил дней за пять.

Первого монстра заметила Маранта, а подстрелил Михал. Двуногий крокилоид, из тех, что предпочитают сидеть в болоте или в прибрежных камышах, на сей раз, что-то забыл в ельнике, где и нашёл свою смерть.

Его шкура представляла ценнейший материал для производства сапог – она шла на подошвы, но снимать её было некогда, а тащить с собой совершенно невозможно. Поэтому Михал вздохнул и оставил добычу на съедение лесному зверью.

Охотник хмурился и ворчал до тех пор, пока сам чуть не стал добычей следующего монстра. Этот был похож на сороконожку, передвигающуюся на коротеньких мохнатых лапках, каждая из которых была снабжена одним острым отточенным когтем. Тело сороконожки покрывала переливающаяся хитиновая чешуя, сзади имелся скорпионий хвост, а вот голова почему-то напоминала птичью. Только вот глаз было намного больше чем положено птице.

Эта дрянь была размером с собаку и конечно ядовита, как тысяча гадюк! Она свалилась на Михала откуда-то сверху, когда они продирались сквозь заросли орешника. Он даже руки вскинуть не успел. Был бы охотнику неминуемый конец, если б Маранта не поймала гадину на кончик своего меча и не отбросила в сторону, а потом зарубила.

Так он отделался только мытьём головы в ближайшем ручье, где с трудом смыл липкую белую жидкость, брызнувшую из распоротого брюха чудовища. Потом Михал долго молчал во время вечернего привала.

– Ты думаешь, – сказал он, наконец, обращаясь к Маранте, – там, где сейчас ребята, тоже есть монстры?

– Я думаю, что те, с которыми мы встретились, – ответила воительница, – могут считаться милыми котятками по сравнению с чудовищами, что угрожают им.

– Но почему ты так решила?

– Я бывала в тех краях, куда они сейчас наверное попали. Поверь, там очень непросто остаться в живых.

Михал ничего на это не ответил, но по его взгляду она поняла, что сомнений и остановок в пути больше не будет. А наутро они отбивались от целой толпы монстров похожих на ящеров с булавами на хвостах. Эти были размером с овцу и одеты в такую же шерсть, но их было слишком много!

Людей спасало то, что эти ящеровцы нападали бестолково, всем скопом, больше нанося вред друг другу ударами своих хвостов, чем людям, которых они стремились убить. Справиться с ними было несложно, но это отняло много времени и сил, что было слишком большой роскошью для спасателей.

После часа избиения безмозглых тварей, оставив после себя поле боя покрытое телами поверженных врагов, усталые и злые они продолжили путь. Маранта указывала направление, а Михал, старый опытный охотник, привыкший ходить по лесу, шёл с максимально возможной скоростью, используя звериные тропы и стараясь по возможности сократить путь. И всё равно они шли медленно, а ведь надо было ещё преодолеть стену каньона, которая уже виднелась впереди, постепенно вырастая над верхушками деревьев. Как они это сделают, пока было неясно, но на всякий случай Маранта несла с собой прочную, длинную верёвку и якорь-кошку собственного изготовления.

Глава 14. Перейти поле

Тот, кто думает, что, согласно известной пословице, поле перейти легко, просто никогда не ходил по полям, особенно заброшенным, где трава растёт, как ей вздумается.

То и дело, спотыкаясь о кочки, путаясь в траве и обходя заросли чертополоха, путешественники выбились из сил уже через пару часов ходьбы. Их нынешнее ковыляние, ни в какое сравнение не шло с лёгким и свободным движением по подземному пути, откуда они так мечтали выбраться.

Одно было хорошо – в траве водилось множество разнообразной птицы, и в короткое время Стефан наловил целых две дюжины откормленных куропаток.

Были здесь и кролики, но Ларни категорически запретила ему на них охотиться. Молодой охотник только усмехнулся, но спорить с подругой не стал. Ларни внесла свою лепту в их меню, найдя несколько съедобных кореньев, видом и на вкус напоминающих капустную кочерыжку.

Наконец они решили сделать привал. Костёр из сухой травы получился слабеньким, воду приходилось экономить, и потому сварить добычу не было возможности. Куропатки вышли полусырыми, но проголодавшихся путешественников это обстоятельство совершенно не смущало.

– Как ты думаешь, мы доберёмся до города до темноты? – поинтересовалась Ларни.

– Врядли, – сказал Стефан, взглянув на солнце, подошедшее к зениту. – Мы прошли так мало, а почти не приблизились к цели. Уложиться бы в два дня.

Ларни нахмурилась. Ей вовсе не улыбалось тратить столько времени на дорогу, и потому весь остаток дня она едва ли не бежала, опережая Стефана, на пять шагов, но к вечеру буквально свалилась от усталости. Спали в обнимку, как в детстве, завернувшись, помимо одеял, в широченный плащ, найденный ещё в самом начале пути.

Ларни уснула сразу, уткнувшись лицом в широкую грудь брата, а он всё старался не дышать, чтобы ненароком не разбудить своё беспокойное сокровище.

Следующий день был легче – привыкли. Хотя Стефан не выспался. Шутка ли, продержаться в объятьях юную девушку всю ночь, уговаривая себя, что это сестра и он не испытывает к ней никаких чувств, кроме братской любви. (Особенно, когда знаешь, что это не так).

Он уснул под утро и во сне, слишком сильно сжав Ларни, разбудил её. Теперь Стефан шагал и клевал носом. И чуть не прошляпил новое нападение!

Прямо перед ними из травы что-то взвилось ввысь и заржало дурным голосом! Так вздымается на дыбы перепуганная или разозлённая лошадь, и так же, как это бывает с лошадью, над головами людей нависли острые и тяжёлые, смертоносные копыта! Целых шесть...

На оставшихся четырёх "лошадь" стояла. Кроме всего прочего она была наверно втрое больше обыкновенной лошади.

Вертикально разрезанные челюсти, снабжённые хищными жвалами и четыре пары глаз, Стефан разглядел уже потом, а сейчас ему на голову опускались шесть каменных молотов, способных раздробить человека на части.

Ларни шедшая впереди, оказалась под брюхом твари и сперва растерялась, не зная, что делать, а потом бросилась назад в надежде, что сможет вытолкнуть Стефана из под убийственных ударов. Юный охотник понял, что сейчас погибнут они оба, и всё же он успел схватить Ларни в охапку и броситься вбок!

Копыта со свистом опустились на землю. Одно из них, остро заточенное по краям, прошлось по мешку с припасами, который Стефан нёс за спиной, и выпотрошило его одним взмахом, как опытный повар потрошит рыбу!

Всё нехитрое, но ценное содержимое вылетело наружу, и в следующее мгновение было растоптано в кашу! У Стефана мелькнула мысль о патронах, которыми он, как думал, ему удалось запастись надолго, и в это мгновение грянул взрыв!

Патроны, как известно, вещь особая, требующая деликатного к себе отношения. Человек опытный знает, как они опасны. Малейшая случайность, неосторожное обращение, может привести к тяжёлому увечью или гибели.

С другой стороны, отчаянные головы, всегда готовые на рискованные эксперименты, могут рассказать, как тяжело взорвать патрон, если не прибегать к помощи огня. Патрон можно ронять или кидать на каменный пол, можно расплющить его молотком, но он будет упорно отказываться взрываться и сдетонирует только тогда, когда этого от него не ждут, в полном соответствии с законом подлости.

На сей раз закон подлости сработал против монстра – большая часть патронов из свёртка, который нёс Стефан, взорвалась с оглушительным грохотом. Юноша упал, втиснув Ларни в землю так, что чуть не раздавил её, а патроны, между тем продолжали рваться!

Что-то хлестнуло, как пучком лозы по бедру Стефана, боль обожгла крапивным огнём, и нога сразу стала горячей и мокрой.

А рядом в панике метался покалеченный монстр! Пять из шести его передних ног были оторваны. Он всё старался встать на единственную уцелевшую ногу, но не мог удержать равновесие и падал обратно, продолжая биться!

Стефан понял, что если ничего не предпринять, то он их сейчас раздавит своим массивным телом и поднялся, преодолевая боль. Он взялся за ружьё, но вспомнил, что патронов у него теперь совсем немного и отложил его в сторону. Тогда он вынул из ножен катану Ларни...

Точный, быстрый удар и голова монстра покатилась в траву. Пускай Стефан был больше охотником, чем воином, уроки Маранты не прошли для него даром.

Тело монстра ещё несколько раз дёрнулось, заливая всё вокруг потоками чёрной крови, а потом затихло, слабо шевелящейся бесформенной массой. Стефан оглянулся на Ларни. Девушка сидела, вытаращив глаза, и ловила ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

Он наклонился к ней и слегка похлопал по щекам, чтобы привести в чувство. В ответ она вlepила ему увесистую затрепину.

– Ты мне чуть рёбра не сломал! – прохрипела Ларни, когда обрела дар речи.

– Но зато ты жива! – попытался оправдаться Стефан.

– Да? Не уверена. А если и так, то это случайность!

Парень понял, что спорить с ней сейчас бесполезно и пошёл выяснять, что из пожитков ещё можно спасти. Через час они уже шагали дальше. Стефан надеялся, что в городе они смогут разжиться припасами, а то все бутылки с водой, кроме той, что была у Ларни, и банки с маслом были уничтожены.

Он пошутил было, что теперь, когда не приходится тащить такой тяжёлый груз, они, наверное, пойдут быстрее, на что Ларни только фыркнула, как будто он один был во всём виноват. Сам Стефан печалился о потерянных патронах. Теперь их оставалось всего пятнадцать, на три перезарядки его пятизарядного ружья.

Но, как бы то ни было, долго горевать над потерями было глупо. Они снова выжили, и это было главное. Ларни это тоже понимала. Она ещё некоторое время дулась, но потом подошла к Стефану, увязывавшему уцелевшие пожитки в узел, и без слов чмокнула его в щёку.

Парень слегка обалдел от такого жеста с её стороны, но тут же сообразил, что это проявление благодарности и извинение одновременно. Что ж, он в своей жизни ещё слишком мало имел дело с женщинами, а его подруга была, во всех отношениях, женщиной не простой.

Глава 15. Последний привал на "Божьей ладони"

Часто бывает, когда ваша цель, какое-либо высокое строение, вроде башни, или это не строение, а гора, до которой надо дойти, кажется, что сделать это можно легко и быстро. Вот ведь она, эта гора или башня, рядом! Стоит пройти совсем немного, и окажешься на месте. Но не тут-то было!

Объект, к которому идёт ваш путь, приближается медленно, всё, вырастая в размерах, а расстояние до него, как будто не сокращается, а увеличивается. Только после продолжительного времени, страшно устав и начисто сбив ноги, вы добываетесь, наконец, до цели своего путешествия и понимаете, как иллюзорна была её близость в начале пути.

Стена каньона приближалась. А куда она денется? Но в том-то и вся загвоздка, что приближалась она медленно. Казалось, что она рядом, за ближайшими деревьями, но за этими деревьями были другие деревья, а проклятая стена, незаметно становясь выше, как будто отступала на несколько гигантских шагов назад.

Наконец деревья кончились. Быстро миновав заросли молодняка, обычные для лесной опушки, Маранта и Михал остановились, глядя на новое препятствие, поджидавшее их на пути.

Это была широкая полоса кустов, разросшихся от подножия леса, до подножия стены из земли и камня. Маранта не забыла, как много лет назад она пролетела над такой же полосой кустов верхом на обезумевшем от страха и боли жеребце. Правда было это по ту сторону леса, с другой стороны каньона, где эта полоса была *уже*, а стена, пожалуй, повыше, чем здесь.

Нда! Продираться через переплетение кустов куда противнее, чем ходить по девственным лесным зарослям. Михал думал, что они сей же час начнут прорубать себе дорогу, но Маранта скомандовала привал. И то дело! Перед новым испытанием не помешает набраться сил, да и вечер был уже не за горами.

Солнце нырнуло за верхушки деревьев на западе. Сразу потянуло холодом, и тень от леса стала на глазах сгущаться, готовая разлиться непроглядным ночным мраком.

Они развели костёр. Сегодняшний ужин был не такой, как в последние дни – Михал ухитрился-таки подстрелить молодого оленя, и теперь у них было вдоволь мяса, которое надо было съесть, пока оно не испортилось.

Но вот, наконец, и ужин кончился. Они расстелили спальники, набросав предварительно на землю еловых лап, и долго лежали, глядя на звёзды. Они не разговаривали сейчас – всё было сказано за ужином.

Вдруг Маранта почувствовала у себя на груди руку мужа. Ах, вот как! Значит, утомительные переходы, и битвы с монстрами не убавили мужскую силу бравого охотника?

Маранта улыбнулась. В волосах и бороде её супруга было уже немало снежных нитей, но он всё ещё оставался силён и неутомим, как тогда, когда их чувство взаимной симпатии и благодарности переросло в нечто *большее*.

Она накрыла его руку своей. Что ж, значит быть посему! Глупец, тот, кто думает, что ночь любви отнимает силы. Это случается только с теми, кто не умеет любить. Завтра они встанут отдохнувшими и посвежевшими, чтобы продолжить путь с новой энергией, а сегодня... Сегодня у них будет праздник!

Глава 16. Один шаг до "Мёртвого города"

Между ними был костёр. По какой-то причине Ларни села не рядом со Стефаном, а по другую сторону их маленького светоча, и теперь они оба молча, смотрели на огонь.

Но так ли это было? Стефан постоянно ощущал на себе взгляд синих глаз с рыжими искрами, пляшущими, словно маленькие бесенята. Но когда он поднимал глаза, Ларни тут же опускала голову и всматривалась в огонь так внимательно, будто ждала, что оттуда выйдет что-нибудь необычное.

Спали они тоже отдельно. Когда Стефан проснулся рано утром возле потухшего костра, он увидел по ту сторону, свернувшуюся в клубок, дрожащую во сне от холода Ларни. Он укрыл её сверху своим одеялом и поспешил заново развести костёр. Ларни вскоре проснулась и потянулась к огню, но долго ещё не могла согреться.

– Сегодня мы обязательно должны дойти! – сказала она, когда зубы перестали выбивать барабанную дробь друг о друга.

– Постараемся, – ответил Стефан. – Но это не значит, что нас там кто-нибудь встретит.

– То есть?

– Приглядишься. Ты видишь хоть один дым?

Это было правдой, над крышами города не поднимались дымы из печных труб. От этого он выглядел безжизненно даже издали. Дети леса не представляли себе жилья без печи, и хоть на сей раз, они ошибались, рассуждения насчёт того, жив этот город или нет, оказались верными.

Может быть, у Ларни и возникли какие-либо сомнения насчёт целесообразности их путешествия, но она никак не проявила их внешне. Впрочем, Стефану тоже не хотелось поворачивать, когда большая часть пути была уже пройдена. Город манил, живой он там или мёртвый.

Глава 17. Сомнения стража

Змеёж испытывал странное чувство. Оно отличалось от злобы, как человек от монстра. Это чувство заставляло сомневаться в себе и в реальности происходящего вокруг.

Если бы Змеёж интересовался частью человеческого сознания, которая отвечает за чувства, то он бы знал, что это удивление. Но до сих пор его интересовала только боевая мощь людей и их изобретательность. И о том, и о другом он был до сих пор невысокого мнения. Но теперь...

Пауконь погиб! А ведь паукони были одними из лучших бойцов, почти такими же сильными, как мантикоры. Правда, мантикоры поумнее, поэтому, наверное, паукони почти перевелись, а вот мантикоры ещё нередко встречаются.

С другой стороны Змеёж вообще остался здесь такой один, а ведь он умнее и пауконей, и мантикор.

Однако эти двое людей и впрямь какие-то особенные, не такие, как те, что были раньше. Тех давно бы уже сожрали, а эти ухитрились выжить, не слишком сильно пострадать, да ещё перебить целую кучу монстров!

Ну, ничего! Жаль, что здесь, в поле больше некого призвать. Вот доберутся они до города, там их встретит кое-кто почуднее, чем пауконь!

И всё же Змеёж сомневался. Может не стоит их убивать так сразу, может, стоит за ними понаблюдать, изучить? Но пока он не представлял, как это сделать и решил придерживаться первоначального намерения.

Глава 18. Мёртвое место

Рана на ноге Стефана, полученная от взрыва патронов была не опасной, но быстро идти она ему всё же мешала. Ларни не пришлось вынимать дробины из его тела, все они лишь глубоко оцарапали кожу, и она только остановила кровь, смазала царапины остатками мази и перевязала ногу брата полосами, на которые окончательно распустила свой сарафанчик, оставшись в одной простыне. Теперь Стефан шёл, прихрамывая, и это замедляло их продвижение. Поэтому до города они дошли лишь к вечеру.

При первом взгляде вблизи было ясно, что этот город мёртв. Улицы были пусты и завалены каким-то мусором. То тут, то там попадались железные повозки, врезавшиеся в столбы и стены домов, столкнувшиеся между собой. Кое-где они совершенно перегораживали улицы, и путешественникам приходилось перебираться через эти завалы.

Дома стояли в основном целые снаружи, но стёкол в окнах почти нигде не осталось, да и перекрытия во многих местах были обрушены. Это был уже не город, а скелет города.

И всё же Ларни и Стефан испытывали какой-то восторженный трепет при виде домов возвышающихся выше стен их родной крепости, улиц на которых могли разъехаться не две, а двадцать телег сразу, и множества разных чудес названия и назначения которых были для них загадкой.

В одном месте им попала широкая лестница, уходящая куда-то вниз, в темноту. Приключенцы посмотрели друг на друга. Нет, под землю им больше не хотелось. По крайней мере, не сегодня.

Ходить по улицам было не просто. То тут, то там они натыкались на следы различных аварий, на упавшие столбы, на сетку проводов, некогда натянутую над головами пешеходов, а теперь болтающуюся внизу и путающуюся под ногами.

Вскоре выяснилось, что узкие улицы и переулки пострадали меньше и путешественники ушли с широких проспектов и углубились в лабиринт пешеходных проходов и второстепенных проездов. Здесь и дома были более целыми, и машины с человеческими скелетами внутри встречались реже.

– Ты заметил? – спросила Ларни, вдруг остановившись, как будто нашла, что-то необычное.

– Что заметил? – не понял Стефан.

– Тихо здесь.

И действительно, в городе стояла гробовая тишина, хотя он не был полностью необитаем – меж домов летали птицы, гнёзда которых теперь были в жилищах людей, а среди мусора бегало немало крыс. И всё же город поражал своей молчаливостью. Даже птицы здесь, как будто не имели голосов. Стефан пожал плечами. Да, это было странно, но его сейчас больше занимал вопрос о том, где найти воду и кров.

Вода нашлась на первом этаже большого и почти не пострадавшего дома, где внизу стены, выходящие на улицу, были почему-то из уцелевших огромных толстенных стёкол. Сквозь эти стёкла, он и увидел разнокалиберные бутылки с водой. Эта вода к тому же была разноцветной.

Большие, тоже стеклянные двери оказались не заперты и исследователи легко проникли внутрь.

Конечно, они не поняли куда попали – в их мире не существовало даже обменной торговли, и если кому-то чего-то недоставало, он легко мог найти это у соседей, а отказы в таком случае были редкостью. Поэтому они не знали, что такое магазин и даже о торговых лавках имели смутное представление, почерпнутое из книг и рассказов всё той же Маранты.

Но они сообразили, что на многочисленных полках, которыми изобиловало это место, когда-то хранились продукты и разные вещи. Правда, сейчас это были лишь следы от продук-

тов, давно съеденных крысами, а о назначении большинства вещей можно было только догадываться.

Впрочем, Ларни узнала некоторые из них, например утюг для глажки белья. Но он был какой-то странный, с торчащим из задней части шнуром, который оканчивался небольшой шишкой с двумя металлическими штырями, похожими на пальцы. В его подошве зачем-то были проделаны отверстия, а сама подошва была изготовлена из такого странного материала, который врядли выдержит, если утюг поставить на раскалённую плиту. Одному Инци ведомо, как таким чудом пользоваться!

Цветная вода оказалась несъедобной. На дне каждой из бутылок виднелся подозрительный осадок, а когда Стефан попробовал открыть одну из них, то омерзительная вонь сказала сама за себя, что продукт испорчен.

Но здесь нашлось достаточно бутылок с обычной водой, таких же, как те, что они обнаружили во время своих подземных приключений. Дальнейшее исследование этого места принесло немало радости обоим – Стефан забрёл туда, где в большом количестве лежали и висели по стенам молотки, топоры, пилы и прочие инструменты, Ларни обнаружила разнообразные иглы, ножницы, вязальные спицы и прочие ухищрения для женского рукоделия.

Их немного смущало то, что они берут эти вещи без спроса, но хозяева обнаруженных "сокровищ" не могли бы дать разрешение на их использование, равно, как и что-либо запретить – их кости лежали тут же, на тех самых местах, где их настигла смерть. Странно, но ни звери, ни птицы не тронули этих останков. Разбросанные повсюду скелеты обходили даже крысы.

Путешественники сами не заметили, как навьючили на себя такое количество "ценных вещей", что едва могли двигаться под этой тяжестью. В конце концов, когда один из карманов Стефана порвался, и оттуда с грохотом посыпались гвозди, они остановились и посмотрели друг на друга.

– Давай заберём всё это потом, – предложила Ларни, – когда будем возвращаться.

Стефан согласился и вывалил набранное барахло на ближайший столик. Но он оставил себе пару приглянувшихся топоров, так, на всякий случай. Ларни заткнула за пояс длинные узкие ножницы в бархатном чехольчике. Зачем она это сделала, она и сама не знала.

Наконец они вышли на воздух. Приближался вечер, и надо было подумать о ночлеге.

– Может, заночуем в одном из домов? – спросил Стефан.

– Не знаю, – засомневалась Ларни, – там повсюду скелеты!

Общество скелетов Стефана тоже не устраивало, но как-то чудно и жутко было разбивать лагерь прямо здесь на улице, среди домов с пустыми, незрячими окнами.

После непродолжительного блуждания по темнеющим улицам, они, наконец, выбрали небольшой дом, в котором было множество уцелевших окон.

Войдя в подъезд, Ларни и Стефан оказались в кромешной темноте и поспешили зажечь факел. Они увидели широкую каменную лестницу, уходящую вверх. Через равные промежутки эта лестница имела выходы в коридоры, имеющие по несколько дверей. Путешественники попробовали открыть эти двери, но все они были заперты.

Вдруг одна из ручек повернулась в руке Ларни и дверь распахнулась. За дверью была тёмная прихожая. Здесь факел пришлось погасить и зажечь свечку. (Ларни нашла свечи там же в магазине и прихватила целую коробку.)

Странное чувство охватило обоих приключенцев, когда они вошли в это человеческое жилище. Им всё казалось, что люди некогда здесь обитавшие, живы, и сейчас к ним вот-вот выйдет кто-нибудь и удивлённо спросит, откуда они взялись здесь в столь поздний час, а потом пригласит в дом и предложит поесть. Так, по крайней мере, поступили бы все их соседи, но если бы это произошло здесь на самом деле, незваных гостей наверно бы, как ветром сдуло!

Они миновали прихожую, потом заглянули в комнату-другую. Никого. Нет даже скелетов.

В одной из комнат стояла странная мебель и несколько загадочных приспособлений. По обилию разнообразной посуды и целой армии кастрюль, Ларни поняла, что это кухня. Другая комната была уставлена стульями и креслами, а в центре стоял маленький столик с несколькими стеклянными мисками на нём. Зачем это было нужно, осталось неясным. Зато следующая была сразу опознана, как спальня – в ней была кровать такой ширины, что на ней могли поместиться не только Ларни и Стефан, но и всё их семейство!

Вдруг случилось нечто странное – свеча в руке Ларни, как будто померкла. Девушке даже показалось, что её огонёк стал чёрным. Они стояли тогда перед дверью в последнюю комнату, и тут Ларни увидела, что сквозь щели этой двери струится яркий свет. Она толкнула дверь и оказалась на пороге *залитой солнцем* детской.

То, что это детская, было понятно при взгляде на её обитателей – на полу, устланном мягким ковром, сидели два карапуза-близнеца и с серьёзными лицами тянули в разные стороны плюшевого мишку. Чуть в сторонке, за приземистым столиком, девочка лет пяти кормила кашей полуторагодовалую сестру, сидящую в детском стульчике, устроенном по принципу прокрустова ложа. Старшая явно не отличалась меткостью, а потому мордашка младшей была сплошь вымазана её собственным завтраком.

Открылась боковая дверь и в комнату вошла женщина с двухмесячным ребёнком на руках. Она что-то весело спросила у старшей дочери, а та ей ответила с такой потешной важностью, что мать расхохоталась. Ларни вдруг поняла, что не слышит ни звука из их разговора, но задумываться над этим обстоятельством было некогда, потому что в это время что-то случилось, чего она опять же таки не видела и не слышала.

Но на это нечто отреагировали обитатели комнаты – женщина и девочка вдруг одновременно повернули головы к окну, и на лице матери появилось выражение тревоги, а на лице дочери удивление. Даже близнецы вдруг бросили перетягивать своего мишку и накукились, собираясь зареветь. Только младшенькая продолжала размазывать по себе кашу, а грудничок так и не проснулся на руках у матери.

Тут вся картинка начала быстро тускнеть, терять цвета и поддёргиваться, словно это было отражение в воде. Ларни вдруг показалось, что ей в глаза попало песком, она заморгала и принялась тереть их, но это ощущение вдруг прошло, так же неожиданно, как и появилось. Когда она снова обрела возможность видеть окружающие предметы, видение исчезло совсем, и она увидела пустую комнату, покрытую пылью и паутиной, темную, с чёрным провалом окна.

Ларни оглянулась на Стефана и по его лицу поняла, что он видел всё то же самое, что видела она. Тогда она переступила порог и шагнула внутрь. Так и есть, вот он тот мягкий красивый ковёр, на котором играли близнецы. Только теперь он полностью скрыт слоем пыли, в которой её ноги утопали по щиколотку.

Ларни наступила на что-то твёрдое и маленькое. Она наклонилась, взгляделась и тут же отскочила в ужасе! Две кучки крохотных детских косточек... Даже черепа не сохранили своей округлой формы, развалились на несколько частей. Две кучки... А между ними небольшой, почти полностью скрытый пылью холмик – плюшевый мишка.

Ларни огляделась по сторонам. Так и есть, вот он, тот приземистый столик, а на нём тарелка с кашей, высохшей много лет назад. Рядом со столиком два детских стульчика, один обыкновенный, а другой высокий, с предохранительной планкой, чтобы непоседливое дитя не выпало.

И на сидениях обоих стульчиков тоже кучки косточек: старшая дочка и младшенькая... А вот и скелет их матери, лежит на боку возле окна, к которому она шагнула, когда увидела или услышала, что-то такое, что было скрыто от Ларни. (Наверное, если покопаться в пыли, рядом с этим большим скелетом можно найти кучку совсем маленьких косточек.)

Вдруг Ларни взвизгнула и подпрыгнула на месте, потому что кто-то притронулся к её плечу! Но это был всего лишь Стефан, который стоял у неё за спиной и о котором она как-то странно позабыла.

– Давай уйдём отсюда! – сказал он, и Ларни вдруг увидела, что её бесстрашный брат бледен, как мел.

Ларни казалось, что она давно уже привыкла к скелетам и костям, разбросанным повсюду, но вот так увидеть тех, кому принадлежали эти несчастные остовы...

– Как ты думаешь, – спросила она Стефана, просто так, чтобы нарушить молчание, – что это было?

– Не знаю, – ответил он. – А ещё не понимаю, что их всех убило? Ясно только одно – погибли они все сразу от одного удара!

– Мама говорила, что когда-то было такое оружие, которое могло убить сразу всех.

– Да, я помню. Но как же так можно? Ведь эти люди... Они же не солдаты вражеской армии! Как можно взять и вот так всех убить?

– А как вообще один человек может убить другого?

Стефан промолчал. Он не был воином, но ему казалось, что за Ларни он мог убить кого угодно!

– Давай лучше подумаем, где ночевать будем, совсем темно уже! – сказал он и зашагал по улице с таким видом, как будто знал куда идти.

Глава 19. Следы их детей

Слава Богу, подъём позади! Маранта ожидала худшего, но и этого хватило, чтобы им с Михалом вымотаться до предела. Наверху их ждал сюрприз – эта стена каньона была сверху лысой, как голова старика и представляла собой пологий спуск к видневшемуся вдали городу.

Маранта узнала этот город. Она бывала в нём много лет назад в компании с Золасом и его юным учеником Зигом. Правда шли они туда иным путём, но теперь она точно знает, что ждёт их с мужем впереди и где искать Ларни и Стефана. Конечно, любопытная девчонка не упустит шанс сунуть нос в это необычное место!

Шагах в пятистах от края каньона, вниз по склону виднелся невысокий холм, единственный на всю эту долину. Какой-то он был странный. Маранта готова была поспорить на что угодно, что холм этот имел искусственное происхождение. Он располагался на их пути, а значит, осмотреть его было делом нелишним.

– Устроим привал там! – заявила Маранта, указывая на холм.

Михал удивлённо посмотрел на жену, но возражать не стал, и они пошли к холму. Так и есть! Холм оказался всего лишь маскировкой для выхода из подземных сооружений. Он напоминал половинку круглого хлеба, аккуратно разрезанного посередине. Со стороны среза виднелись восемь больших железных ворот, одни из которых были открыты.

Маранта заглянула внутрь и ничуть не удивилась, увидев туннель уходящий в темноту, под углом вниз. Она с бьющимся сердцем взглядела в пол и увидела две цепочки следов – одну от маленьких босых ног, другую, от больших, обуток в сапоги.

Живы! Несмотря на её собственные чувства и предсказания Руфуса, доля сомнения у неё всё же оставалась и она не знала наверняка, напрасна ли их с Михалом экспедиция или нет? Но теперь сомнений не было!

Маранта поспешила поделиться этой радостной вестью с мужем, но увидела, что он смотрит в другую сторону.

– Они пошли туда! – с уверенностью сказал старый охотник, и по его голосу Маранта поняла, что он улыбается.

Сама она не видела ничего кроме стены высокой травы, но Михал был опытным следопытом, и его словам можно было верить.

Их отдых был на удивление краток. Михал рвался вперёд, и Маранта решила, что теперь ей придётся его сдерживать. С одной стороны главная цель, считай, достигнута – они узнали, что дети живы, с другой стороны эта парочка прошла здесь несколько дней назад и теперь за ними не угнаться. Но для чего спешить? Чтобы надрать им уши? Успеется!

Следы первого ночлега детей прибавили оптимизма. Они неплохо справлялись, нашли себе еду и где-то разжились защитой от холода, не иначе, как там, под землёй. Маранта долго смотрела на то место, где они спали.

Нда, ушли вдвоём, а могут вернуться втроём... Причём этот третий будет сидеть не где-нибудь, а в животике у Ларни. Запросто!

Маранта была лишена, каких-либо предрассудков на этот счёт и понимала, что рано или поздно станет бабушкой, но всё же она тревожилась за дочь, ещё такую молодую и неопытную. Впрочем, возможно она беспокоится зря? Ларни и Стефан с ранних лет, бывало, спали вместе и сохранили эту привычку до недавнего времени, пока Стефан не начал стесняться. (Стефан, не Ларни.)

Так, что то, что она здесь увидела, скорее всего, ничего не значило. Тут Маранта поняла, что сама себя успокаивает, и решила сейчас не думать на эту тему.

Следующее открытие было не таким оптимистичным. Запах тления они учуяли издалека. Сначала он был слабый, потом стал сильнее, и, наконец, им просто нечем стало дышать! При-

шлоось завязать лица по глаза платками смоченными остатками воды из фляг, наполненных ещё в каньоне. Ко всему прочему, мириады мух кружились в воздухе, норовя влезть в глаза и забиться в уши.

– Что ж там такое,дохлый зубр что ли? – пробормотал помрачневший Михал.

То, что они обнаружили через несколько шагов, было похлеще дохлого зубра. Там, где вонь достигала своей высшей точки, нашлось вытоптанное место, где, по-видимому, разыгралась битва. Когда люди ступили на эту проплешину, целая туча ворон враз взлетела ввысь и, истошно каркая, закружила у них над головами.

Зрелище, которое открылось при этом, было и тошнотворным, и удивительным. Мёртвый монстр был не похож, ни на одного из тех, что им доводилось видеть. Даже Маранта, насмотревшаяся при разрушении столицы королевства Лоргина всяких чудовищ, такого ещё не видела. Он был силён и огромен, и, тем не менее, он был мёртв!

Через пять минут после осмотра места сражения, Михал заявил, что дети ушли на своих ногах в сторону города. Это радовало. Но как же они справились с такой тварью? Ответ был скоро получен, но породил новую загадку – Маранта нашла множество разорвавшихся гильз от охотничьих патронов. Они его взорвали?! Воительница знала, что её чада могут за себя постоять, но что они способны на такое?..

И ещё одна странность – голова монстра лежала отдельно, отрубленная одним сильным ударом меча. Откуда меч? По-видимому, оттуда же, откуда и патроны. Что ж, монстру явно не повезло. Хорошо, что обошлось без потерь со стороны людей. Но это было не совсем так – Михал сказал, что Стефан хромает, хоть и не сильно.

Наконец они покинули это отравленное место. Теперь им отовсюду мерещился запах падали. Маранта знала, что это лишь иллюзия, на которую не стоило обращать внимание, но ей самой ужасно хотелось выкупаться и выстирать одежду.

На месте следующего привала, устроенного детьми, они решили заночевать сами. Конечно, всё было предварительно осмотрено и прочитано, как книга. Итак, Стефан был ранен, но легко и не опасно. Ларни хорошо умела врачевать раны. Ей удавалось даже ведовское целительство, на что Маранта была неспособна, хоть и знала кое-какие приёмы, из этой области, предназначенные для боя. А вот спали детишки теперь раздельно. То ли поссорились, то ли... Нет, она же решила, что не будет думать об этом!

Когда Маранта проснулась утром, то увидела, что Михал не спит, а внимательно разглядывает совсем уже близкий город.

– Ни одного огня ночью, ни одного дыма поутру, – сказал он ворчливо. – Это место мертво, как старый пенёк! И что они там забыли?

– Там много чего интересного, – ответила Маранта. – А дымов над такими городами не бывает, они по-другому были устроены, и жизнь там была другая...

– А это что?

Маранта оглянулась, и её рот сам собой открылся от удивления – над городом поднимался столб дыма! Но это был не мирный серовато-белёсый дым от домашней печи. Это было чёрное, жирное, подсвеченное красным бесформенное чудовище – порождение большого пожара!

Глава 20. Борьба за жизнь

Они нашли себе приют в странном месте. Этот город вообще состоял из странных мест, но здесь они столкнулись с чем-то не столько странным, по сути, сколько непонятным по своему назначению – посреди города рос лес! И лес этот был весьма странным.

Во-первых, он был небольшим, но это куда ни шло, почему бы не быть лесу маленьким? Во-вторых, расстояние от дерева до дерева здесь было таким, что хоть на телеге проезжай! Но самым странным было то, что здесь в лесу были такие же дороги, как и в городе. Пусть не такие широкие, но такие же твёрдые. А ещё здесь нашлось немало всяких жутковатых непонятностей.

Здесь были люди и животные, сделанные из камня. Ларни и Стефан знали о существовании статуй и памятников, но сами видели каменных людей впервые. Ещё здесь было множество строений самого чудного вида. Некоторые из них были со стеклянными стенами, другие вовсе без стен. В этих строениях явно не жили, но во многих стояли столы и стулья, по большей части опрокинутые и поломанные.

А ещё здесь были странные сооружения вообще не поддающиеся сравнению с тем, что двое исследователей видели в своей жизни. Одно из них представляло собой гигантское, выше домов, колесо, поставленное на ребро стоямя, с подвешенными к нему, словно мухи на паутине, большими ящиками. В каждом из ящиков была дверца и несколько окон со всех сторон, а когда путешественники заглянули внутрь одного из этих ящиков, то с удивлением обнаружили там сидения, явно предназначенные для человеческих седалищ.

Были здесь и другие механизмы, похожие на чудовищных пауков, богомолы и гусениц, или просто на огромные цветы. И на всех виднелись самые разные сидения, кресла, даже целые диваны, снабжённые замысловатыми застёжками и хитроумными держателями.

Впечатление было такое, что всё это, (если оно, конечно, могло двигаться), было предназначено для того, чтобы поднимать людей на головокружительную высоту и там крутить, вертеть, встряхивать и подбрасывать. Придя к такому выводу, Ларни и Стефан поёжились.

– Не могу понять, зачем это? – спросила девушка, которой уже надоело ходить, задрвав голову.

– Может для поклонения богам? – предположил её спутник. – Языческим богам. Ты слышала, что-нибудь о человеческих жертвоприношениях?

– Бррр!!!

Ларни вдруг очень захотелось уйти отсюда, ведь если Стефан прав, то здесь ещё хуже, чем там, в городе.

– Давай уже найдём что-нибудь. – сказала она. – Темно совсем, а то нам придётся ночевать на улице.

Домик они нашли внезапно. Он вдруг сам появился, будто из ниоткуда. Аккуратненький, когда-то ярко раскрашенный, а теперь весьма облезлый, с тонкими стенами, не приспособленными для зимы, но всё же защищающими от ночного холода летом. Внутри оказался непонятного назначения хлам, по большей части мешки с мелко нарезанной цветной бумагой. Больше всего здесь привлекало отсутствие скелетов.

Хуже было полное отсутствие очага, но этот вопрос был решён просто – Стефан развёл костёр перед входом, а Ларни приготовила ужин из остатков того, что им удалось добыть ещё в поле. (Им следовало завтра же позаботиться о пропитании – на завтрак еды ещё хватало, а на обед уже нет.)

Ночь прошла под шорох мышей среди бумажных завалов. Утро глянуло яркими весёлыми лучами, проникшими откуда-то сверху... (Сверху? Но ведь там крыша!)

Не в силах терпеть этот свет, Ларни открыла глаза и... в первое мгновение ничего не увидела. Затем она различила ярко голубое летнее небо, (да где ж в самом деле крыша?), и на его фоне тёмный силуэт чего-то огромного, широкого. Сначала она подумала, что это одна из вчерашних, чудовищных в своей гигантской нелепости машин, но потом...

Стефан подскочил от того, что у него над ухом бабахнул выстрел! Стреляла Ларни, это всё, что он смог сообразить. В следующее мгновение его с головы до ног залило чем-то тёплым и липким! Ларни в это время была уже на улице и оттуда она ещё несколько раз шарахнула по монстру, единственный глаз которого только что взорвался от её выстрела!

Потом была буря ударов и вопли, истошные вопли! Каким-то чудом исполинские лапищи монстра не попадали ни по домику со снятой крышей, где Стефан запутался в бумажных лентах, ни по Ларни, бегавшей под ногами великана. Девушка быстро сообразила, что рано или поздно удары, достигнут цели, бросилась внутрь домика и выволокла брата наружу!

Когда они отбежали на приличное расстояние от бушующего монстра, Ларни обернулась и вдруг расхохоталась звонко и заразительно – Стефан был сплошь в разноцветных бумажках, отчего напоминал фазана-переростка. Брат в ответ поглядел на неё *очень* серьёзно.

– Ты не представляешь себе, как я сейчас зол и хочу домой! – сказал он.

Девушка перестала смеяться и, взглянув туда, где ослеплённый циклоп крушил заброшенный парк, кивнула утвердительно.

– Только запасёмся припасами. – сказала она резонно.

Но прежде чем начать поиск припасов, не лишним было бы привести себя в порядок. Свои пожитки, кроме небольшого узла с топорами, они в очередной раз потеряли, но опыт показывал, что в городе можно найти практически всё, что им было нужно.

Для начала следовало отмыть Стефана и отстирать его одежду. Но была ли здесь, где-нибудь река, озеро или хотя бы ручей?

Вода нашлась в таком месте, где они меньше всего ожидали её обнаружить. Недалеко от оставленного ими парка, откуда всё ещё раздавались вопли циклопа, располагалось несколько домов, таких громадных, что казалось их крыши, упираются в небо. Нижние этажи здесь изобиловали стеклянными стенами, и потому путешественники, вспомнив, что в прошлый раз в том месте, где они видели такие стеклянные стены, нашлось много чего хорошего, устремились туда.

Однако здесь их встретила масса пустого пространства с непонятными сооружениями внутри, среди которых только ажурные, прозрачные лестницы имели какой-то смысл. И всё же зашли они, сюда не зря – посреди самого большого зала, прямо на полу стояла здоровенная чаша наполненная водой! В центре чаши находилась полуобнажённая каменная женщина из вытянутой руки, которой была тонкая струйка, постоянно пополнявшая чашу.

Одному Инци известно, каким образом механизм этого фонтана ещё работал и из какого источника он брал воду? Но парочка приключенцев не собиралась задумываться над этой проблемой. Стефан скинул с себя одежду и с головой нырнул в глубокую чашу, с наслаждением ощущая, как живительная влага омывает тело, давно требующее очищения. Вынырнув, он обнаружил, что рядом плещется Ларни, вся нехитрая одежда, которой валяется на полу. Стефан вздохнул и нырнул обратно.

Потом они стирали свои вещи и развешивали их на железных стульях. Выбора не было, им нечем было прикрыть свою наготу и, в конце концов, Стефан махнул рукой на стеснение, тем более, что Ларни похоже и тени смущения не испытывала.

Вот что нельзя было упускать из вида, так это возможность внезапного нападения, и потому Стефан постоянно перекладывал оружие так, чтобы оно всегда было под рукой. Ну и конечно, как оно часто бывает, несмотря на то, что они были настороже, опасность обрушилась внезапно, в самый неподходящий момент.

То, что беда пришла, Стефан понял по вдруг округлившимся глазам Ларни! В следующее мгновение он уже развернулся вокруг себя, передёргивая затвор ружья. И замер от удивления!

На них катилась волна каких-то колючих шаров, которые водопадами сбегали по прозрачным лестницам с верхних этажей гигантского здания. Наверно оно было заполнено этими шарами, которые сейчас и в самом деле напоминали приливную волну!

– Бежим! – крикнула Ларни, подхватила свой пояс с катаной, сунула Стефану его узел, из которого торчали рукоятки топоров и выбежала вон!

Охотнику ничего не оставалось, как последовать за ней. Они выскочили на улицу нагишом, времени на то, чтобы одеться или хотя бы собрать одежду, не было. Колючие шары буквально хлынули за ними потоком, высоко подпрыгивая и как-то странно вереща. Но всё же они уступали в скорости двум молодым бегунам в костюмах прародителей человечества!

Ларни и Стефан бежали, стараясь делать, как можно больше поворотов, и вскоре колючая погоня отстала. Тогда они остановились и, тяжело дыша, поглядели друг на друга.

Едва переведя дух, девушка надела на себя пояс с катаной, который несла в руках. Стефан не слишком успешно пытался использовать в качестве фигового листа то ружьё, то узелок с топорами.

– Сколько у тебя патронов? – вдруг спросила Ларни, как будто была полностью одета, а вопрос о патронах был для неё сейчас самым важным.

– Пять штук. – ответил Стефан машинально. – Было пятнадцать, но пяток ты расстреляла, а ещё пять лежали у меня в кармане куртки. Я их выложил перед стиркой, а потом не успел забрать...

– Ясно!

– А тебе, что за дело?! – вдруг обозлился Стефан, сам не зная на что.

– Мне кажется, вон там ты сможешь найти ещё.

Охотник оглянулся. За его спиной располагалась одна из прозрачных стеклянных стен, а за ней... виднелись десятки разнообразных ружей!

– А ещё тебя приодеть бы не помешало. – добавила Ларни, бросив лукавый взгляд на брата. – А то замёрзнешь!

Сказав всё это, она прошла мимо остолебеневшего Стефана и, не оборачиваясь, направилась в сторону магазина. Охотнику очень хотелось наговорить сестре резкостей, но он вовремя сдержался, сообразив, что винить её, по сути, не в чем. И тогда он, как это часто бывало раньше, тяжело вздохнул и пошёл вслед за ней, красный, как рак и злой на себя, на неё, на монстров, на этот город и на весь белый свет!

Глава 21. В двух шагах от города

Вот уже полчаса они стояли спина к спине и отмахивались. Зомбаки то налетали, как стая разъярённых ос, то ходили вокруг, что-то нечленораздельно бурча, будто жалуясь друг другу на людей.

Маранта больше беспокоилась за мужа, чем за себя. За годы их совместной жизни она так и не сумела приобщить Михала к благородному искусству фехтования, и потому он сражался, нанося могучие, но грубые удары топором, словно валил деревья.

Правда, когда такой удар попадал по цели, а это бывало часто, зомбак терял руку или ногу, а то и просто разваливался пополам. Хуже было то, что на руках и плечах охотника красовалось уже несколько порезов. Острые, как бритвы когти зомбаков рассекали, словно бумагу кожаную куртку, способную противостоять когтям рыси. Если дело пойдёт так и дальше, то Михал потеряет слишком много крови и тогда всё будет плохо!

Меч Маранты плёл в воздухе едва заметный серебристый узор, но тот из зомбаков кто пытался к ней приблизиться, сразу терял конечности или голову. Саму воительницу не задел ещё никто. Зомбаки уже встречались обоим супругам и не по одному разу, а потому для них не было новостью, что эти твари хоть и сильны, но туповаты, и справиться с ними совсем не сложно. Однако сейчас на стороне этой нечисти было сильное численное превосходство. А потому Маранта лихорадочно соображала – сколько они могут так ещё биться и что им теперь делать?

– Михал, ты сможешь продержаться пять минут один? – спросила Маранта, понимая, что этот вопрос звучит, по меньшей мере, дико.

– Смогу! – ответил охотник, взглянув на неё с удивлением.

Как хорошо, что он не стал расспрашивать, что да почему! Всё-таки Михал умница и умеет доверять. Маранта подумала о муже с благодарностью, но долго предаваться эмоциям было нельзя, её задача сейчас была прямо противоположной.

Воительница опустила на землю, поджав ноги, и положила меч перед собой. Она закрыла глаза, зрение могло сейчас только помешать. Сначала надо отрешиться от всего земного. Эта часть, пожалуй, самая трудная, ведь человек живёт земными заботами и привязанностями, любовью к близким, ненавистью к врагам, мечтами, планами и даже страхами. Без всего этого жизнь бессмысленна, если не сказать, невозможна. Лишь самые опытные воители, которых она знавала в прошлой жизни, были способны к подобному отрешению без риска потерять себя и превратиться в нечто бесчеловечное.

Маранта когда-то брала уроки боевой магии, (правда Наставница говорила, что это никакая не магия, а просто умение высвободить скованную силу своего духа). Она знала, что для достижения цели, самое простое это представить себя мёртвой. Нет, не представить, а скорее признать, а это совсем другое дело!

.....

Итак, всё. Её тела больше нет и ей теперь нет дела до того, что с ним происходит. Теперь она – душа! Маранта почувствовала, что поднимается вверх и открыла глаза, но это были не глаза тела, а глаза души. Она увидела вокруг себя, какой-то полупрозрачный вихрь, образующий подобие трубы, сквозь неровные стенки которой можно было ещё различить окружающий мир, но виден он был плохо, словно на него приходилось смотреть сквозь толщу воды. Однако зрелище это вовсе не занимало Маранту.

Маранту? А кто такая – Маранта? Ну конечно, так её когда-то называли, но это имя осталось внизу, вместе с телом, а у души никакого имени не было. Её, прежде всего, интересовало далёкое светлое пятно, видневшееся в невообразимой выси, на самом верху этого прозрачного колодца.

Вверх! Туда, к свету, туда, где всё заканчивается и всё начинается! Туда, бездумно и безотчётно!..

Нить... Тонкая, бесцветная, почти прозрачная, такая, какую не увидишь, если она натянута достаточно туго. А ещё, оборвать такую нить проще простого. И очень хочется оборвать! Ведь, что значит, какая-то нить по сравнению с этим божественным светом?

Она уже взялась за нить, уходящую куда-то вниз, туда, где остались заботы, тревоги и страдания. Один рывок и всё закончится... И тогда она взглянула вниз, скорее машинально, чем осознанно. Взглянула и увидела, как мужчина похожий на расвирепевшего медведя, отбивается, словно от стаи волков от каких-то человекоподобных уродов с длинными когтями и лицами покойников.

Она видела, что этот мужчина устал, что он ранен, что врагов слишком много, что ему всё трудней и трудней защищать женщину, неподвижно сидящую с закрытыми глазами на земле. Ей не было никакого дела до этой женщины, но мужчина нуждался в помощи, и она остановила свой полёт.

(А как же свет? Он ведь ждёт тебя, и твоим самым горячим желанием является – войти в него, воссоединиться с ним...)

Маранту вдруг наполнила лихая, разудалая и развесёлая злоба! (Что? Она снова Маранта?) Ах, значит ждёт её божественный свет? Ну, так пусть подождёт!

Подождёт, как ждал мириады других душ до неё, и как будет ждать после. Никуда он не денется, а у неё есть на земле ещё дела! И тогда она взмахнула крыльями... (Крыльями? Откуда крылья? Или это руки? Неважно!) И прорвала стенку прозрачного колодца! Описав широкую дугу, она набрала скорость и словно коршун ринулась на врагов!

.....
Зомбаки перестали наседать на Михала и заозирались вокруг. Сам охотник тоже что-то почувствовал, но что это было такое, он не мог видеть и слышать, однако, каким-то непостижимым образом ощущал приближение необоримой, дикой силы!

Вдруг эта сила ударила! Это было похоже на бешеный порыв ураганного ветра, хоть на самом деле никакого ветра не было. Монстры попадали с ног и покатались, истошно вереща, сбиваясь в кучи, и отчаянно кромсая друг друга!

Михал тоже почувствовал, что его что-то ударило в лицо, но это было похоже на сильный удар мягкой подушкой, которая сразу рассеялась без следа. На какое-то мгновение он был оглушён, но устоял на ногах, а когда пришёл в себя, то увидел, что живых зомбаков вокруг нет, а Маранта лежит, опрокинувшись навзничь.

.....
Она гнала и гнала этих уродцев, и могла бы гнать их до тех пор, пока они бы не передохли от изнеможения! Да, она бы так и сделала, если бы снова не эта нить. Досадую на столь нелепую помеху, она чуть было снова не оборвала её! Но тут вдруг её остановило любопытство.

Что-то изменилось в самой нити, она стала виднее и как будто толще. Вероятно, прочность её тоже увеличилась, но Маранта чувствовала, что по-прежнему оборвать эту нить для неё не составит труда. Тем не менее, она передумала это делать, а решила пройти вдоль нити, чтобы узнать, откуда она берёт своё основание.

Так, постепенно сматывая нить в клубок, она вернулась, к тем двоим, на помощь которым пришла так вовремя. Нить, оказывается, тянулась из груди женщины и была теперь толщиной с палец! А другой конец нити... Маранта вдруг поняла, что клубка нет, а другой конец нити исходит из её груди, а расстояние между ней и той женщиной продолжает сокращаться само по себе!

По мере приближения, натяг нити всё усиливался и, в конце концов, уже не нить, а толстенный канат, прочный, как якорная цепь, причиняя адскую боль, со страшной силой потащил её к телу лежащей на земле женщины, которая вдруг стала казаться удивительно знакомой...

.....
– Мара, очнись! Мара, очнись, прошу тебя!

Маранта открыла глаза и сделала глубокий судорожный вдох, от которого лёгкие взорвались нестерпимой болью. Она увидела небо над собой и на его фоне лицо Михала, залитое слезами. Поняв, что она пришла в себя, муж схватил её в объятия с такой силой, что воздух в один миг вылетел из неё, как из резиновой груши, которую резко сдавили в руке.

– Мара...

– Пусти, пусти, задушишь! – сдавленно прохрипела Маранта, делая слабые попытки высвободиться.

– Ты не дышала!

– Кажется, я и теперь едва дышу! Положи меня и не тормози хотя бы некоторое время.

– Что это было? – спросил Михал, бережно укладывая жену обратно на траву.

– Долго объяснять. Скажу только, что сделала то, что ещё не приходилось делать, и это было тяжело... Знаешь, что? Давай постараемся больше не попадать в такие ситуации, а то в следующий раз я могу и не вернуться. Как там зомбаки?

– Те, кто не сдохли, сбежали! Припустили так, словно за ними гнались все волки мира!

– Поверь, это было для них страшнее волков.

– Верю! Что теперь будем делать?

– Для начала надо прийти в себя, перевязать твои раны и вообще отдохнуть. Помоги мне сесть.

Они были в двух шагах от города. Но нет, сегодня они туда не войдут, сегодня им нужен отдых.

Глава 22. Палаццо

"Палаццо". Так было написано на фасаде дома стоящего на небольшом возвышении посреди разросшегося сада. Палаццо, значит дворец, это они помнили по одной из книг, прочитанных дома. (Кстати, большинство надписей в городе они могли прочесть, хоть и не все были для них понятны.)

Палаццо был очень красив, не так высок, как остальные дома, но всё равно они наверно прошли бы мимо, если б поиск припасов не занял столько времени.

Собственно, речь шла, прежде всего, о еде, так-как в магазине, где нашлось оружие, была ещё и одежда. Правда, одежда эта оказалась не просто чудной, а очень чудной. Во-первых, она изобиловала всяческими застёжками, завязками, крючками, петельками и пуговицами. Стефан за всю оставшуюся жизнь не разобрался бы с этим без помощи Ларни. Правда, когда процесс одевания закончился, он понял, что двигаться в этих сложных обновках легко и удобно. Во-вторых, здесь всё было зелёного цвета с разводами разных оттенков, но это было даже хорошо – в такой одежде охотника в лесу почти не видно, а это всегда бывает кстати на охоте.

Зато сапогами можно было забивать гвозди. Тяжёлые, жёсткие, угловатые, с почти негнущимися подошвами. Казалось, в них сочетались все свойства, какими не должны обладать сапоги, если только охотник не хочет объявить о своём присутствии всему лесу. Поэтому Стефан невероятно удивился, когда увидел, что Ларни примеряет такие же, только поменьше.

– Что? – спросила девушка, заметив его взгляд. – А, ну просто тут слишком много острых камней. Надоело, знаешь ли! Как дойдём до леса, заброшу эти колы на первое дерево.

В такой же одежде, как у Стефана, разве что немного другого покроя, да ещё в лёгкой шапочке с длинным козырьком, Ларни казалась мальчиком. Только мальчиком с очень нежным лицом, какие иногда бывают у мальчиков, им же на беду и на потеху сверстникам.

Стефан старался не показать вида, но почему-то ему подумалось, что нет такой одежды, которая не шла бы Ларни. ("А без одежды ей ещё лучше!") За эту мысль он прикусил себе язык, хотя этот орган, как раз не был ни в чём виноват.

С оружием вышло даже интересней, чем они думали сначала – подходящие патроны нашлись в железном шкафу с невероятно толстыми стенками, который по счастью не был заперт. Стефан уже набил ими все карманы, когда Ларни похлопала его по плечу. Он обернулся – в руках у девушки была винтовка.

– Возьми лучше эту. – сказала она.

– Зачем? Я своим ружьём доволен.

– У тебя гладкостволка, она хороша для ближнего боя, чтобы рвать в клочья вражескую плоть, а это – дальнобойная винтовка, которая может достать противника с тысячи шагов и пробить лёгкую броню. К тому же её патроны не боятся сырости.

Вот так. Ай да нелюбительница охоты и убийства! Конечно, Стефан сразу припомнил, как Маранта рассказывала им всё это, но он засунул всю такую информацию куда-то на самое дно своей памяти за ненужностью, а Ларни выходит, держала её поближе. Интересно зачем?

В результате он оставил себе и прежнее ружьё, и винтовку. Оба топора, засунул за пояс, от чего стал цепляться, за что попало, а при попытке сесть на стул потерпел полное фиаско, так как перестал гнуться в пояснице.

Ларни выбрала себе лёгкий карабин и сумку для патронов, а потому двигалась свободно. Она не смеялась, глядя на брата, а что-то соображала, нахмутив лоб.

– Подожди! – сказала она, в конце концов, и исчезла в недрах магазина.

Вернулась она, ведя за ручки две большие сумки на колёсиках. Кроме того, у неё в руках были два заплечных мешка окрашенные в такой же цвет, как их одежда.

– Вот! – прокомментировала Ларни свои трофеи. – Лишнее можно сложить сюда. Ты же ещё инструменты хотел забрать.

Оружейный магазин Стефан покидал неохотно. Там была масса всяких соблазнов, вроде целой горы блестящих ножей, но всего, что хотелось бы взять, не вмещала никакая сумка. И, тем не менее, сумки были набиты до отказа, так, что едва выдерживали колёсики. В своей беспечности оба приключенца забыли, что им предстояло тащить на себе этот груз не только по городу, а через поле, а затем через лес, не говоря уже о спуске в каньон.

Однако едва ли не самая важная из их проблем так и не была решена – они по-прежнему были голодны. Вот тут-то и подвернулся "Палаццо", точнее не он сам, а его сад.

В ветвях деревьев этого сада, давно забывших руки садовника, опытный взгляд охотника различил немало птиц пригодных в пищу. Сам дворец был избран местом для ночлега, причём главным критерием явилась не красота этого здания и не его богатое внутреннее убранство, а пустота, как анфиладных комнат, так и отдельных покоев.

Единственный скелет здесь нашёлся не в доме, а неподалёку от главных ворот, в траве, весь проросший насквозь сорняками, в которые превратились некогда посаженные повсюду цветы. Судя потому, что он держал в руке совершенно заржавленное ружьё, это был охранник.

Отменно поужинав жареными голубями, (в доме нашлась кухня со всем набором посуды и плитой, которую можно было топить дровами), путешественники улеглись спать в роскошных апартаментах. Памятуя, чем закончился их предыдущий ночлег, Стефан, как мог, забаррикадировал все двери и зарядил всё оружие.

Правда если сюда явятся колющие шары, то от ружей будет мало толку, но на этот случай у него была припасена большая фляга с горючей жидкостью, которую он нашёл здесь в доме. Такую жидкость делали у них в посёлке из остатков овощей и фруктов, сброженных особым способом и пропущенных через хитроумное устройство, где из мутной, дурно пахнувшей браги, по капле получалась вот эта самая адская вода. Она легко воспламенялась и помогала от самых разных болезней, если пить по капле. Но если человек выпивал её сверх меры, то он становился либо весел, либо буен и драчлив, а ещё, глупел на глазах. А потому священник категорически запрещал её пить, кому бы то ни было. Охотники слушались, а сам Стефан только по запаху знал запретную жидкость.

Парню вдруг захотелось их всех увидеть прямо сейчас. И отца, и Маранту, и Руфуса, и священника и всех соседей, с которыми он дружил, и даже тех, кого недолюбливал.

Он проглотил комок, подступивший к горлу и оглянулся на Ларни, спавшую в кровати под балдахином таким же сном человека с чистой совестью, каким она спала у костра, завернувшись в плащ. Сам он поместился на узком, не слишком удобном диване рядом.

Сейчас бы он не за что не согласился залезть к ней под одеяло и прижаться к тёплому нежному телу... Не согласился бы, потому, что не был в себе уверен. Он боялся, что может не справиться с собой и оскорбить чистый девичий покой, разрушить то, чем он дорожил больше всего на свете – их дружбу. Ведь тогда этот мир рухнет и всё вокруг потеряет смысл. Нет, он не посмеет тронуть Ларни, он выведет её из этого удивительного, но страшного места и вернёт домой такой же, какой она вышла оттуда!

С этими мыслями Стефан долго лежал без сна, прислушиваясь к ночным шорохам и глядя, как подрагивает огонёк свечи, которую они решили не гасить на ночь.

.....

Змеёж свернулся в кольцо на крыше, словно был частью замысловатых лепных украшений, которыми изобилдовал этот дом. Несколько раз он порывался спуститься вниз и покончить с этими двумя, просто укусив их спящими. Но что-то удерживало его.

Змеёж чувствовал, что, благодаря этим людям, он начинает меняться сам, но хорошо ли это или нет, ему пока было неведомо. Испытывать разные чувства было приятно, хоть он и не был уверен, что они принесут ему пользу.

Людей, по крайней мере, чувства делали слабыми. Пусть это было не всегда, но довольно часто. А могут ли чувства придавать силу? Может быть да, а может, и нет. Это стоило бы проверить, а сделать это было проще всего, наблюдая вот за этими людьми.

Хотя бы, поэтому он не будет их убивать. Сам не будет. Что же касается других монстров, то он уже сообщил многим о местонахождении врага, и теперь нападение было только делом времени.

Вдруг Змеёж выпрямился, от чего чуть не свалился с крыши. Со стороны поля, (а точнее пустыря, который когда-то собирались застроить новыми кварталами, да так и не успели), к городу приближались ещё двое людей. Сообщение пришло от мелких монстров, которых люди называли комарами и считали частью своего мира, в то время, как они были созданы роду человеческому на погибель.

Нет, ну это уже наглость! После стольких лет, похоже, люди решили повалить сюда толпами!

Так, понятно. Эти двое, спящие там внизу, пусть отдыхают. Он займётся ими потом, а сейчас прощупает новоприбывших и понаблюдает за ними. Для начала должно хватить сотен двух зомбаков, а там увидим, как получится!

.....
Их не попытались ни убить, ни сожрать, ни ночью, ни утром. Когда Стефан проснулся, то увидел, что солнце светит вовсю, свечка погашена, Ларни в кровати нет, зато со стороны кухни доносится звон посуды, а в воздухе разлит такой вкусный запах, что ни о каком сне уже не может быть и речи.

Выяснилось, что рядом с Палаццо в саду нашёлся крохотный огородик, где Ларни удалось набрать одичавших овощей. Теперь она трудилась над кастрюлей, от коей исходил тот дивный аромат, который привёл сюда Стефана.

Если кто и скажет, что-нибудь против супа на завтрак, то пусть этот сноб останется при своём мнении. Проголодавшаяся молодёжь этими предрассудками не страдала, и суп был принят "на ура"!

Пора было собираться в обратную дорогу. Им хотелось поскорее домой, хоть и жаль было покидать гостеприимный Палаццо. Тем не менее, настал тот момент, когда они ступили за ворота этого дома, катя за собой нагруженные тележки.

Спокойно пройти удалось шагов пятнадцать – двадцать.

Ш-шпок!

Предмет, размером с детский кулак, ударился о мостовую прямо возле ног Стефана и отскочил прочь. На дорожном покрытии осталось влажное пятно и небольшая выбоинка.

Ш-шпок! Шпок-шпок! Ж-ж-ж!

Что-то похожее на шмеля, пролетело над самым ухом Ларни, слегка задев плечо.

– Какого... – начал Стефан и тут же отпрыгнул в сторону.

Следующий снаряд, прилетевший сверху, мог попасть ему в живот, но вместо этого угодил в сумку на колёсиках, сбил её, как кеглю, от чего треть содержимого вылетела и живописно рассыпалась по мостовой.

– На крыше! – крикнула Ларни, и Стефан, наконец, увидел обстрелявшее их существо.

Это была помесь жабы и воздушного шара, розового цвета, с тонкими обезьяньими лапами. Морда поражала своим гротескным человекоподобием, за исключением одной детали – нос представлял собой две соединённые трубы, торчащие вперёд на две ладони от основания, словно двустволка пушечного калибра. Монстр был размером с человека и сидел на крыше небольшого дома напротив Палаццо.

Ш-шпок!

Боль резко хлестнула Стефана по бедру, пройдясь, как нарочно по едва затянувшейся ране. Он оглянулся и увидел, что вторая такая же тварь просунула свою отвратительную морду сквозь решётку садовой ограды и целит им в спину.

Ружьё словно само прыгнуло в руки охотника, но едва он навёл его на монстра за садовой оградой, как в локоть левой руки ударило чем-то твёрдым, оружие мотнулось в сторону, и выстрел пропал даром. Рука сразу онемела и повисла, но Стефан тут же ощупал её и понял, что кость не раздроблена.

– Бежим! – крикнула Ларни и тут же выстрелила.

Монстр с крыши грузно шлёпнулся на мостовую и заморгал своими круглыми глазницами, словно в недоумении. Но эта победа принесла мало пользы – на место поверженной твари тут же вылезли две новых. Кроме того несколько таких же чудовищ показались из-за ближайших домов. И тогда Ларни и Стефан побежали, бросив в очередной раз свои пожитки.

По счастью эти монстры были те ещё стрелки-сморкальщики, а их выстрелы по силе были сравнимы с хорошими ударами палкой. Конечно, им было далеко до убойной силы винтовочной пули или заряда картечи из дробовика, но три-четыре таких "удачных" попадания могли сбить с ног, повредить кости. А попадание в голову стало бы фатальными.

Много позже приключенцы узнали, что "сморкачи" используют обычные камни – гальку или гравий, которые тщательно подбирают по весу и размеру, заглазывают и хранят в специальном мешке, наподобие куриного зоба, а выстреливают из носа за счёт силы необычно развитых лёгких, занимающих почти весь объём туловища.

Ларни вдруг вскрикнула и присела от нестерпимой боли! Один из вымазанных слизью камней, попал ей в плечо. Стефан тоже остановился. Его рука почти прошла, и он снова мог держать оружие.

Но тут он увидел странную вещь – монстры, пробежав за ними немного, оставили попытки их догнать и вернулись к брошенным сумкам. Сейчас они были заняты тем, что вытряхивали их содержимое и с интересом рассматривали каждую вещь. Один из них достал большую прозрачную флягу со спиртом и рассматривал её с видом археолога обнаружившего редкий артефакт.

И тут Стефана осенило! Он положил на землю гладкостволку и снял винтовку с плеча. Больше всего он сейчас боялся, что недостаток опыта не даст ему сделать удачный выстрел, ведь попробовать новое оружие ещё так и не довелось.

Но, по-видимому, святой Габриель, покровитель стрелков, сегодня смотрел в его сторону благосклонно. Выстрел грянул, и пузатая бутылка разлетелась на множество осколков, обдав монстров вокруг себя потоками огненной воды. Твари шарахнулись во все стороны, но следующим выстрелом, пришедшимся по касательной в мостовую, Стефан выбил искру!..

Дюжина живых факелов заметалась по улице! Один из них вбежал в приземистое здание не похожее на жилой дом и оттуда спустя секунду грянул взрыв!

Земля ушла из-под ног незадачливых приключенцев, вокруг вздрогнули и зашатались дома, мостовая вспучилась и лопнула, выпустив, словно из жерла вулкана, огромный огненно-дымный шар! Стефан не стал размышлять над тем, что на самом деле произошло, а быстро закинул за спину своё оружие, подхватил Ларни на руки и побежал так, как никогда ещё в жизни не бегал!

Глава 23. Знакомые места

– Значит, где-то здесь вход в тот подземный дворец, о котором ты рассказывала?

– Нет, тогда мы подошли к городу с другой стороны. Там всё гораздо более разрушено, и я не уверена, что сейчас смогу быстро найти это место.

– Да мы туда и не пойдём. Это я просто так, любопытствую!

То, что здесь имелось много любопытного Маранта была совершенно согласна. Несмотря на то, что она уже бывала в этом городе, ей было тоже здесь интересно и любопытно, особенно в той его части, которую она видела только издалека.

Что же говорить о Михале, не знавшем ничего, кроме своего родного леса? Мужчина, заканчивавший пятый десяток жизни, бегал от одного "чуда" к другому, удивлялся и восхищался, как подросток. Он, то стоял, задрав голову возле очередного небоскрёба, то рассматривал более или менее уцелевший автомобиль так внимательно, будто собирался научиться им пользоваться.

Монстры им пока не попадались. Это было хорошо, а плохо было то, что след детей в городе сразу потерялся, словно смытый морским приливом. Маранта, однако, не отчаивалась, она просто пыталась поставить себя на место дочери.

Поскольку из этих двоих, (детей, то есть), ведущей всегда была Ларни, значит надо искать то, что могло привлечь внимание этой егозы. Дело было не таким простым, как казалось. В незнакомом месте этот приём мог не сработать или завести Бог знает куда, где Ларни вовсе не было. Поэтому Маранта старалась прежде всего придерживаться того направления, где был виден дым от пожара, теперь поблекший и уже не такой страшный, как в начале.

Это было непросто, так как прямых путей в этом городе не было. Завалы и заторы на дорогах соперничали здесь с наполовину обрушившимися зданиями, готовыми погрести под своими обломками неосторожного путника. Чтобы идти вперёд, часто приходилось сворачивать вбок, а иногда и вовсе двигаться в противоположном направлении.

Поэтому Маранта и Михал, сами того не зная, пробирались тем же путём, по которому недавно прошли их дети. Нет ничего удивительного в том, что вскоре они оказались перед витриной того же самого магазина, где уже побывали Ларни и Стефан.

– Здесь кто-то помародёрствовал. – сказала Маранта через пару минут после того, как за ними закрылись стеклянные двери.

– Может, это ещё тогда было сделано? Может это кто-то из выживших жителей? – предположил Михал.

– Нет, здесь никто не выжил, они все сразу умерли. И никто не приходил в этот город в течении многих лет. но вот эта пыль стёрта дня два назад, не более, значит кто-то здесь был непосредственно перед нами.

По-видимому, Маранта была специалистом в области пыли, но всё равно осторожный Михал высказал сомнение:

– Ты думаешь, это они?

– Почти уверена в этом. Но если хочешь, посмотрим, что отсюда забрали?

По большей части магазин стоял не тронутым. Не тронутыми были куски мыла и ткани – огромная ценность в городах знакомых Маранте. Остались неприкосновенными бутылки со спиртным. Никто не покусился на золотые и серебряные украшения, тускло поблёскивающие за пыльными стёклами.

Зато место, где помещались столярные, слесарные и прочие инструменты, подверглось частичному разграблению, и теперь оттуда были слышны радостные возгласы Михала, продолжившего это достойное дело. Швейные принадлежности тоже не были обойдены вниманием.

Несмотря на то, что Ларни была бесёнком, по сути она всё же оставалась девочкой и любила шить.

– Да, это были они! – сказала Маранта с уверенностью.

Маранта и сама с удовольствием прихватила бы что-нибудь из швейных сокровищ. Она вожделенно поглядела на нитки и вязальные крючки, а также горы пуговиц, но потом решила, что не стоит обременять себя лишним грузом посреди похода и взяла только маленькие изящные ножницы в чехольчике из неполного набора.

Оглянувшись на Михала, она поняла, что видит перед собой навьюченного верблюда, который едва мог двигаться. Она хотела было ему об этом сказать, но в это время карман мужниной куртки лопнул, и оттуда с грохотом посыпались гвозди. Они прибавились к тем, что уже валялись в этом месте, как свидетельство того, что история повторяется. Михал всё понял без лишних слов.

– Мы заберём это на обратном пути, – сказал он, выгружая свои трофеи на стол, где уже лежало немало разных инструментов.

Немного подумав, он всё же оставил себе большой складной нож, который засунул за голенище сапога. Теперь им ничего не оставалось, как отправляться дальше, куда глаза глядят.

Глава 24. Инци

Прежде всего, ему надо было удержаться на ногах. Земля всё время грозила уйти из-под них, то проваливаясь, то вспучиваясь неожиданными буграми. К тому же сверху постоянно что-то падало – куски штукатурки, обломки оконных рам, отдельные кирпичи и целые блоки.

Благо всё это продолжалось недолго. Взрывов больше не было, и наконец-то мёртвый город, оказавшийся на удивление хрупким, перестал разваливаться вокруг не слишком удачливых посетителей.

Ларни оправилась от боли в ушибленной руке и попросила поставить её на землю. Её лицо всё ещё было бледным, а в глазах стояли злые слёзы, но девушка уже могла держаться на ногах, хоть всё ещё морщилась и не переставала ощупывать повреждённую руку. Слава Инци – кости у обоих приключенцев были целы, хотя, как это выяснилось впоследствии, оба были все в синяках от попаданий снарядов, выпущенных сморчками.

Оглянувшись, Ларни и Стефан поняли, что вместо того, чтобы приблизиться к окраине города, они углубились в лабиринт его улиц, петляющих между домов, не таких высоких, зато плотно стоящих друг к другу.

Итак, они снова остались без припасов, хотя по сравнению с прошлым разом потери были не так велики – оба были одеты и вооружены, с карманами полными патронов. Теперь они шли по городу не так беззаботно, как вначале, винтовки держали в руках, прислушивались к каждому шороху, присматривались к каждой тени.

Монстры больше не показывались, но они могли быть где угодно. Судя по тому, что эти твари не только с лёгкостью находили людей, но и ухитрялись напасть неожиданно, за путешественниками следили, не упуская из вида ни на миг.

Это было, наверное, хуже, чем видеть врага воочию, а потому нет ничего удивительного в том, что в один прекрасный момент нервы Стефана не выдержали, и он дважды выстрелил в подозрительно шевельнувшийся куст. Оттуда выскочила перепуганная, но совершенно невредимая крыса, которая тут же скрылась в подвале ближайшего дома.

Ларни ничего ему на это не сказала, только усмехнулась, но сама чуть не проделала то же самое, когда увидела в витрине небольшого магазинчика облезлый манекен.

Город теперь не манил своими чудесами и загадочностью. Он пугал, отвращал, отказывался быть приветливым с чужаками. Сейчас им больше всего хотелось выбраться из этого молчаливого, смертоносного каменного лабиринта, пусть не в родной лес, но хотя бы в поле, где всё было гораздо ближе и понятнее.

Возможно, по всему, поэтому они не поверили своим глазам, когда встретили здесь человека. Его появление оказалось более неожиданным, чем появление, какого-нибудь нового монстра.

Пара собиралась перейти через небольшую площадь на которой почему-то не было столкнувшихся машин, зато она по краям была обсажена кустами, частично засохшими, а частично разросшимися до бесформенного состояния. Всё внимание Ларни и Стефана было приковано к этим кустам, а также к окнам и крышам домов. Из-за этого они не сразу заметили высокую фигуру, идущую навстречу.

Незнакомец тоже, казалось, не видел их. Его глаза были полуприкрыты, он ни единым жестом не показал, что видит тех по направлению к кому он идёт. Он шёл, будто во сне, может быть, даже так оно и было, но при этом он ни разу не споткнулся и не налетел ни на одно препятствие.

От неожиданности Стефан вскинул ружьё, хоть до этого ни разу не направлял оружие в сторону человека, но ладонь Ларни легла на ствол винтовки сверху и заставила опустить оружие к земле.

– Инци?! – вдруг спросила Ларни, глядя во все глаза на незнакомца. – Инци, это ты? Ведь ты же Инци!

Незнакомец вздрогнул и остановился. Он с удивлением заморгал глазами и поглядел на Ларни, как человек, внезапно пробудившийся ото сна. Вдруг колени его подогнулись, и он упал бы, если б Ларни не подскочила к нему и не помогла устоять, перекинув его руку себе через голову. Стефан тут же бросился ей помогать и вместе они подтащили этого человека к одной из уцелевших скамеек на краю площади.

Здесь они, наконец, смогли разглядеть незнакомца получше. Это был мужчина лет тридцати – тридцати-пяти, одного роста со Стефаном, но гораздо более худой, можно сказать измождённый. Из-за своего болезненного вида он казался старше чем, по-видимому, был на самом деле. Это впечатление усиливали длинные с проседью волосы, спускавшиеся ниже плеч и такая же с проседью борода не слишком длинная, но всё же доходившая до середины груди.

Его одежда, сделанная из лёгкой ткани, ниспадала складками от шеи до щиколоток, так что создавалось впечатление, что он просто завёрнут в материю, хотя на поверку это было вовсе не так. Обувь незнакомца составляли стоптанные сандалии, примотанные к ногам длинными ремешками. Подобные носил священник, но у него ремешки были покороче.

И тут Стефан понял, почему Ларни назвала этого человека "Инци". Дело было даже не в том, что он был похож на бронзовое изображение распятого на кресте, которому молился священник. Дело было в его руках и ногах, точнее в сквозных ранах, зияющих на ступнях и ладонях. Они были нанесены недавно, но уже не кровоточили, а сочились сукровицей.

– Инци! – повторяла Ларни. – Очнись, Инци! Открой глаза! Что случилось? Тебя снова распяли?

Наверно благодаря звукам её голоса незнакомец, наконец, открыл глаза и недоумённо посмотрел на два лица, склонившихся над ним.

– Кто ты, дитя? – спросил он, остановив взгляд на Ларни. – И кто твой спутник?

– Я, Стефан, сын Михала-охотника! – ответил за неё юноша, в душе которого шевельнулось странное недоброе предчувствие. – А она – Ларни, дочь Маранты-воительницы и моя сестра!

– Так ты – девочка? – вновь спросил незнакомец, глядя только на Ларни.

Девушка вдруг залилась краской и поспешила отвести взгляд. Удивительно! Ведь смутить Ларни до сих пор не удавалось никому!

Стефану этот незнакомец начинал смутно не нравиться, но он решил оставаться вежливым, тем более, что тот был ранен, а потому спросил:

– Позвольте узнать ваше имя, почтенный?

– Я... Я не помню! – ответил незнакомец, и на его лице отразилось крайнее изумление.

– Инци! Инци! Стефан, ты что, не узнаёшь его? Это же Инци! Так его и зовут! – воскликнула Ларни с каким-то испуганным убеждением.

– Дитя... Ларни, почему ты называешь меня этим странным именем? – спросил незнакомец.

– Но... Я ведь всегда так тебя называла, с самого детства! Разве ты не помнишь, Инци?

– Не помню, – грустно ответил незнакомец. – И тебя не помню, и себя...

– А откуда у вас эти раны? – снова спросил Стефан.

Незнакомец уставился на свои руки, словно в первый раз их увидел. Потом он тяжело вздохнул и покачал головой.

– Но как же так, Инци? – не унималась Ларни. – Все же знают эту историю! Тебя распя...

– Ларни! – оборвал её Стефан. – Неужели ты не понимаешь, что это не он?

– Но как же?..

– Послушайте! – вмешался в их спор незнакомец. – Я вижу, что меня принимают за кого-то ещё, кого я не знаю. Или я забыл слишком много, но я действительно совершенно не помню

ни себя, ни то, что со мной случилось. Поэтому, если вам удобно, то можете называть меня "Инци", так-как это имя не хуже других.

Стефан воздел очи к небу, а Ларни даже в ладоши захлопала от радости. Вскоре раны незнакомца были обработаны и перевязаны с такой заботой, что Стефан пожалел, что они принадлежат не ему.

Инци оказался очень покладистым человеком, умным и приятным собеседником. Стефан поймал себя на том, что сам теперь его так называет и, что странно было бы называть его другим именем.

Ларни порхала, как птичка и казалась очень счастливой. Стефан наоборот мрачнел всё больше и больше. Лучше бы они этого Инци не встречали! Ну что им, (или ему), стоило пойти по какой-нибудь другой улице? Возможно, при иных обстоятельствах он был бы рад такому знакомству, так-как любил общество интересных и умных людей, но теперь...

Теперь он понял, что Ларни не смотрит больше в его сторону. Да и зачем ей смотреть на него, Стефана, если этот Инци без умолку что-то рассказывает ей про город? (Себя забыл, а про город знает всё, как будто жил в нём долгие годы и присутствовал при его разрушении!) Вот он остановился перед тем, что на взгляд Стефана было ни чем иным, как кучей мусора.

– Знаете ли, что это такое, друзья мои?

Ларни и Стефан одновременно пожали плечами, только Стефан заметил среди хаоса прожавевшего каркаса и обрывков ткани, нечто похожее на колёса размером с суповую тарелку.

– Перед нами то, что осталось от детской коляски, – грустно улыбнувшись, сказал Инци.

– Детской чего? – не поняла Ларни.

– Коляска, это тележка такая, лёгенькая. Туда клали младенца, чтобы с ним было легче гулять.

– Странно. Зачем же ребёнка класть в тележку? Его же всего растрясёт! Хотя здесь дороги ровные, не то, что у нас, – рассуждала Ларни.

– Так он был там? – спросил Стефан. – Ну... когда *это* случилось?

Инци кивнул. Стефану стало не по себе, и он поспешил отвернуться от того, что осталось от "коляски".

– Жалко! – сказала Ларни и её лицо вдруг как-то сразу потемнело.

– Жалко, – подтвердил Инци, – но он не успел нагрешить, и теперь его душа среди спасённых.

– Всё равно жалко! – настаивала Ларни. – Может он стал бы очень хорошим человеком и всё равно попал бы в рай, но тогда у него была бы целая жизнь на Земле!

– Ты очень доброе дитя, Ларни! – усмехнулся Инци. – К сожалению, судьба действительно хороших людей редко бывает счастливой, а жизнь долгой.

– Да, я слышала. Но так бывает там, где люди подчиняются злым правителям и живут, чтобы собирать какие-то деньги. Так нам говорил священник, но у нас в Междустенье, расположенном в самом центре Божьей горсти, много хороших людей, жизнь которых полна счастья!

Ларни говорила горячо и сейчас удивила не только Инци, но и Стефана, который знал, как она всегда рвалась за пределы этой самой Божьей горсти.

– Я очень хотел бы побывать у вас в Междустенье, – сказал Инци задумчиво. – А ведь то, что вы называете "Божьей горстью", окружающие народы, помнится, называли "Каньоном чудовищ" или "Ямой смерти"...

– Мы обязательно возьмём тебя с собой! – воскликнула Ларни, а Стефан скрипнул зубами и мысленно чертыхнулся.

– Чтобы туда попасть, – буркнул он, – надо выйти из города, а мы заблудились. К тому же тот путь, по которому мы шли, отрезан: там что-то взорвалось, и мы еле спаслись.

– Ну, это не беда! – возразил Инци. – Из города есть не один выход. Я провожу вас, ведь город я знаю... точнее знал, хорошо... В те времена, когда он был живым.

Стефан вытарашил на него глаза. Этот человек либо врал, либо был сумасшедшим. Конечно, Стефан не верил, что перед ним настоящий Инци. Правда именно таким он его себе и представлял. К тому же эти раны... Но ведь Инци был Богом, а этот по всем признакам – человек. К тому же, как это Бог может потерять память?

Их спутник перехватил взгляд Стефана и понял, о чём он думает.

– Я вижу, ты хочешь спросить меня, как это возможно? – сказал он, обращаясь к молодому охотнику. – Могу лишь повторить, что сам ничего не понимаю. Пока не понимаю, но возможно пойму потом. То есть, обязательно пойму! Я помню этот мир, многое могу рассказать о нём, но моя память о себе начинается со встречи с вами.

Ларни ахнула.

– Неужели ты не помнишь, как приходил на Землю много-много лет назад, как проповедовал добро и учил людей правильной жизни? А что у тебя было много учеников, и один из них продал тебя злодеям, тоже не помнишь?

– А что сделали злодеи? – тихо спросил Инци.

– Они приколотили тебя гвоздями к деревянному кресту и держали на солнце, пока ты не умер... Ой! Но ты не бойся, ведь ты опять стал живым через несколько дней!..

– Мне кажется, я когда-то слышал эту историю. Когда-то давно.

"У него ноги пробиты, – вдруг подумал Стефан, – а он идёт и не хромает. Конечно, Ларни перевязала его, но не может же он совсем не чувствовать боль?"

– Что это?

Ларни вдруг остановилась, и Стефан чуть не налетел на неё. Они стояли перед зданием, которое отличалось от всех остальных. Оно не было выше небоскрёбов, виденных ими недавно, наоборот было намного меньше любого из них, но возвышалось над обычными домами. Однако не это выделяло его среди других зданий.

Здесь все дома были примерно одинаковой архитектуры – многоэтажные, квадратного или прямоугольного сечения. Это же здание напоминало гигантский наконечник стрелы, острым концом указывающий в небо. Кроме того, оно имело множество окон, тоже заострённых кверху. Такой же формы были и его двери, большие и маленькие, а многочисленные пристройки и башенки в целом повторяли форму главного здания.

– Это церковь? Это твой дом, Инци? – спросила Ларни.

– Нет, это не мой дом. – ответил Инци, покачав головой. – Но это – церковь. С определённой точки зрения. Посмотри, в чём ты видишь разницу между привычной тебе церковью и этой?

Ларни присмотрелась. Вроде всё было так же, как у них в крепости, за исключением того, что эта церковь была раз в пять больше. И тут она обратила внимание на шпиль. Шпиль на башенке их церкви был прямым, как луч света, а здесь он разделялся на трое и был похож на зазубренную острогу, только очень большого размера.

– Запомни это немаловажное отличие, – многозначительно сказал Инци. – А теперь, пойдёмте внутрь и посмотрим на того, чей это дом на самом деле!

И они вошли в приоткрытые двери. Внутри царил полумрак, но неяркий свет, проникавший через цветные стёкла, позволял разглядеть обстановку и убранство храма. И то, и другое хорошо сохранилось, и, несмотря на толстый слой пыли, выстилавшей всё вокруг, сверкало роскошью и изяществом.

Путешественники узнали ровные ряды длинных скамей и возвышение алтаря, но там, за алтарём, где в их церкви помещался деревянный крест с бронзовым Инци, здесь находилась статуя.

Это было изображение человека, (или человекоподобного существа), сидящего на троне. Истукан был высотой не менее трёх человеческих ростов, и стоял на широком постаменте, достигающим примерно до пояса взрослого мужчины.

Фигура сидела на роскошном троне, сделанном из чистого золота. Длинная, ниспадающая одежда, бывшая на нём, тоже была золотой, но её почти не было видно из-за драгоценных самоцветов, сплошь покрывающих её поверхность.

Тело статуи было искусно собрано из полудрагоценных камней, разных пород и оттенков, цвета которых были подобраны таким образом, что создавалось впечатление живой плоти с тёмной, но не чёрной кожей. Чёрными были короткие, выющиеся кольцами волосы из которых торчали обсидиановые рога, козлиной формы.

Обсидиановыми были также копыта, бывшие у существа вместо ступней, и видневшиеся из под нижнего края одежды. Правое копыто стояло на... деревянном распятии, лежащем на постаменте и как бы поверженном, точно таком же, как то, что принёс в Междустенье, много лет назад, священник. (Ларни вдруг припомнила, что на груди их бронзового Инци виднелся слабый след, будто в этом месте надавили чем-то большим и полукруглым.)

В одной руке существо держало книгу на обложке, которой красовался, какой-то сложный знак, состоящий из пятиконечной звезды, окружённой переплетением разных геометрических фигур и непонятных букв. В другой было зажато странное оружие, представляющее собой толи меч, толи кинжал с тремя клинками, выходящими из общего основания и снабжённого рукоятью, рассчитанную для двух рук. Вроде той "остроги", которая венчала здание сверху.

Руки, державшие книгу и чудную "острогу", были снабжены обсидиановыми когтями, наподобие птичьих, острых и загнутых. Лицо существа сочетало, как человеческие черты, так и звериные, но скульптор постарался сделать последние настолько неуловимыми, что трудно было с точностью сказать, что именно здесь взято от животного.

Оно было бы даже красивым, это горбоносое, украшенное изящной чёрной бородкой лицо, если бы не жутковатая улыбка тонких жестоких губ и жестокое выражение пронзительных глаз, в зрачки которых были вставлены крупные ярко-синие сапфиры.

– Это Рогатый бог? – спросила Ларни, а Стефан поймал себя на том, что держит винтовку наготове.

– Да, это он. – ответил Инци. – Таким его представляли те, кто ему поклонялся.

– А на самом деле он, что, другой?

– Совершенно другой. Никаких копыт и когтей. А рога... Рога действительно были, как знак высшей мудрости, полученный когда-то в дар от Создателя. Между прочим, эти рога не всегда были видны, точнее он не часто их показывал.

– Они, что, могли убираться внутрь? – спросил Стефан с насмешкой.

– Нет, конечно! Просто они вовсе не твёрдые и не растут из головы, как у животных, а представляют собой два луча света, как бы изогнутых и обнимающих невидимый диск.

– Ты говоришь так, словно был с ним знаком! – съязвил Стефан.

Инци промолчал, а Ларни повернулась к алтарю и провела по нему рукой, стирая пыль.

– Ой!

Девушка удивлённо смотрела на изображение, открывшееся на поверхности этого, похожего на стол, сооружения. Стефан тоже взглянул и вздрогнул, даже слегка отпрянув от увиденного.

На гладкой мраморной "столешнице", с помощью тех же цветных камней, с огромным искусством была выполнена инкрустация, изображающая младенца с ангельским личиком и... перерезанным горлом! Выражение детского лица было счастливым и блаженным. Голубые глаза излучали спокойствие, а на розовых губах играла милая улыбка.

Изображение было настолько натуралистичным и выразительным, что Ларни невольно взглянула на свою руку, не осталось ли на ней крови, которая, как бы забрызгала поверхность алтаря. На самом деле это был заполированный вровень с поверхностью красный камень, совершенно не отличимый на ощупь, но выделяющийся ярко-красными брызгами на белоснежном фоне.

– Когда-то, – пояснил Инци, – в жертву Рогатому приносили людей. Годился на это любой человек, но предпочтение отдавалось детям и невинным девушкам. Позднее культ несколько смягчился, и людей заменили животные – кошки, кролики, цыплята, голуби, но и это ушло в прошлое. Поклонение перешло в стадию повседневной обыденности, когда люди лишь отдают дань традиции, не задумываясь о смысле проводимых ритуалов. И тогда прихожане стали приносить на такие алтари еду – фрукты, конфеты, выпечку. Однако изначальная традиция не была забыта, что отразилось в этом изображении на самом алтаре.

– Значит, людей здесь не убивали, когда этот город был жив? – спросила Ларни, которую почему-то очень интересовал этот вопрос.

– Здесь нет, – ответил Инци. – В те времена это было уже запрещено законом. Но ведь это же не единственный храм Рогатого. Всегда было у него множество таких почитателей, которые считали, что отступление от древних традиций, это предательство по отношению к их кумиру. Они устраивали себе тайные капища, не такие роскошные, но зато подальше от города, и там совершали свои кровавые ритуалы. Власти, конечно, всё знали, но предпочитали делать вид, что ничего особенного не происходит.

– Значит он и вправду бог зла, раз ему нужны такие жертвы!

– Да, он покровитель, но не бог зла, хоть человечество никак не может уяснить для себя, что именно является добром, а что злом, ибо эти понятия часто меняются местами. Что же касается жертвоприношений, то ему до них нет никакого дела, будь то зарезанные младенцы или высыпанные на алтарь сладости. Так что те, кто столетиями проливал кровь, стараясь угодить Рогатому, делали это совершенно напрасно. Ему эти жертвы не только не были угодны, но ещё и показывали глупость служителей его культа, а он никогда не любил дураков и предпочитал скорее иметь дело с негодяями, чем с глупцами.

– Пойдёмте отсюда! – воскликнула Ларни и, не встретив возражений, направилась к выходу.

– Инци, а почему ты сказал, что он не бог, а просто покровитель зла? – спросила она, когда все вышли на улицу.

– Потому что Бог в мире только один. Он создал этот мир таким, каков он есть и создал всё и всех, кто в этом мире находится.

– И Рогатого?

– Да, и его тоже. Мало того, он долго считал его одним из самых совершенных своих творений.

– Почему это?

– Потому, что это существо всегда обладало силой подобной силе самого Бога, кроме одного свойства – он, Рогатый, не может творить, не способен из *ничего* сделать *нечто*. Но и той силы, что была ему дана, хватило для того, чтобы он возгордился и захотел быть во всём первым. Но и этого ему было мало. Возомнив себя равным Богу, он пожелал для себя единоличной власти над миром и всеобщего поклонения, как единственной Силе во Вселенной. Тогда он поднял восстание среди таких же, как он сам священных созданий своего отца, чтобы свергнуть его с небесного трона. Он совратил с пути истинного множество ангелов и собрал из них огромное войско, но в решающей битве это войско было разбито и все они были низвергнуты в иной мир, который теперь называется Адом. Этот мир стал для них местом заточения, там они пребывают, и по сей день.

– А как же ты, Инци? Разве ты не Бог Добра?

В ответ на это их новый знакомый рассмеялся.

– Посмотри на меня! Разве я похож на Бога? Я человек из плоти и крови, как и ты, дитя, как и твой спутник. А Бог, как я уже говорил, есть только один. Как бы ни были велики и могущественны любые существа в этом мире, они не могут быть богами и так называть их неправильно, даже если они во много раз сильнее и совершеннее людей.

– А такие бывают?

– Раньше были, сейчас не знаю.

– А как они назывались?

– Их было много разных. Самые известные звались атлантами, другие титанами, а ещё были асы, лемурийцы, муниты. Все они были человекоподобны, но намного крупнее и выше. А ещё, эти существа обладали высокой мудростью, древней культурой, глубокими знаниями и такими способностями о которых людям приходится только мечтать. И все они исчезли с лица Земли вместе со своими летающими городами, равно как и плавающими, и стоящими на твёрдой почве. Не помогли им ни достижения их науки, ни мудрость, накопленная в течение бесчисленных поколений.

Стефан давно уже слушал их разговор вполуха. Кажется, Инци рассказывал, что-то интересное, но сейчас ему, Стефану, было до этого мало дела. Его бесило, что Ларни буквально смотрит в рот этому проходимцу, будь он неладен! Юный охотник обогнал своих спутников и теперь шёл впереди. Шёл и злился! Злясь, он бросил взгляд через плечо и вдруг остолбенел!

Он понял, что у Инци и Ларни совершенно одинаковые глаза, разве что у девушки они были синие, а у её собеседника скорее голубые, но и те и другие, как будто светились, каким-то одинаковым светом. А ещё они почему-то напомнили ему глаза статуи Рогатого, которую они только что видели в храме. И, хоть в глазах обоих собеседников не было и тени жестокости, которую излучал взгляд той страшной статуи, сходство было налицо, но что это значило, оставалось неясным.

Заглядевшись, Стефан не заметил препятствия, споткнулся и растянулся во весь рост, опрокинув по дороге насквозь проржавевшую урну.

– Ты чего это?

– Ты не ушибся?

Эти вопросы были заданы одновременно, в то время, как четыре руки подняли его и поставили на ноги. Вместо благодарности Стефан буркнул, что-то невразумительное и зашагал, вперёд, не оборачиваясь.

Впрочем, шёл он недолго. Через несколько десятков шагов улица свернула направо, и тут путешественники оказались перед непроходимым завалом из домов, рухнувших, как фишки домино.

– Ну что, пришли? – съязвил Стефан.

– Может, есть обход? – предположила Ларни.

– Слишком долго. – отозвался Инци. – Пройдём здесь.

При этом он указал на один из тех больших прямоугольных провалов с лестницей уходящей вниз, в темноту.

Глава 25. Снова по следу

Гора издавала такие горестные стоны, что они могли разжалобить кого угодно. Михал отважился приблизиться к этой вздрагивающей массе, но когда до монстра оставалось всего пять шагов, всхлипывания прекратились, и огромный кулак вдруг выстрелил в его сторону, так, что охотник едва успел отскочить.

Некоторое время циклоп бушевал, размахивая ручищами и беспорядочно обрушивая их на землю. Потом он затих и снова уселся, обхватив свою уродливую голову и, что-то ворча, спрятал лицо в коленях.

Это не заняло много времени, однако Маранта успела рассмотреть пустую окровавленную глазницу – сплошную рану посреди его низкого лба. Неужели это снова дети постарались? Если так, то они либо очень большие везунчики, либо намного сильнее, чем она о них думала.

Некоторое время Маранта решала, не стоит ли прекратить бессмысленные страдания чудовища, но потом подумала, что это дорого может им с мужем обойтись и предоставила циклопа его участи.

Следующая находка повергла их в уныние, если не сказать в ужас. Маранта сама не знала, что именно заставило её зайти в этот жуткий в своей безобразной громадности дом. Что ей, что Михалу было здесь совершенно не уютно, хоть циклопическое строение будило их природное любопытство своими размерами и необыкновенной формой.

Как только они вошли, первое, что она увидела, это был сапог Стефана. То, что это был именно его сапог, Маранта не сомневалась, так-как принимала участие в его создании. Но в каком он был виде! Подошва выглядела так, будто она ходила лет десять по камням. Голенище было всё в дырах, причём некоторые были прожжены чем-то вроде кислоты, а другие оказались проколами от толстых игл, либо тонкого шила.

Через дюжину шагов нашёлся брат-близнец этого сапога в таком же плачевном состоянии, а ещё шагов через пятнадцать валялась вся остальная одежда, страшно изорванная и забрызганная какой-то зеленоватой слизью.

Так, это одежда Стефана, а где в таком случае одежда Ларни? Может она её не снимала? Кстати, причина, по которой Стефан оказался вдруг без одежды, нашлась сразу – тут же рядом находился переполненный водой фонтан.

Значит, здесь они купались, (то, что Ларни полезет в воду, есть рядом с ней Стефан или нет, Маранта не сомневалась), а потом случилось нечто такое, что заставило их спасаться бегством, бросив свои вещи на произвол судьбы.

Тут взгляд Маранты упал на скомканную тряпку лежащую поодаль. Подняв её, она поняла, что это простынь продырявленная посередине. Так вот, что служило одеждой сумасшедшей девчонке! А где же её сарафанчик? Наверно погиб во время путешествия, так что пришлось импровизировать с добытой где-то простынёй. (Эге! Но поспешных выводов делать не будем.)

– Мара!

Маранта подняла голову и увидела совершенно круглые глаза Михала.

– Они умерли, да? – спросил он, с трудом сдерживая дрожь в голосе.

– Не думаю, – как можно увереннее сказала воительница, хоть сама она такой уверенности не чувствовала. – Как видишь, здесь нет ни одного пятнышка крови, ни на одежде, ни на полу. Значит, наша парочка сбежала отсюда нагишом. Нда... Судя по тому, как они отделали циклопа, тут им встретился противник пострашнее.

В этот момент неподалёку от них раздался негромкий стрёкот. Маранта и Михал одновременно обернулись. В двух шагах от них на полу сидело существо похожее на шар, состо-

ящий, казалось из одних иголок. В отличие от безобидного лесного ежа, эта тварь не имела мордочки, но рот у неё был! Он делил колючий шар практически на две половины, открывая кроваво-красную пасть, усеянную острыми зубами-иглами. Ни глаз, ни носа, ни конечностей, ни хвоста существо не имело, но каким-то образом ухитрялось двигаться и делало это быстро.

Люди не успели сказать друг другу даже слово, как вдруг тварь резко подпрыгнула, одним скачком покрыв расстояние в двадцать раз превышающее собственные размеры! Подпрыгнула и... распалась на две половинки, встретившись в воздухе с клинком Маранты!

– Не прикасайся! – воскликнула воительница, увидев, что Михал сделал движение в сторону того, что осталось от мелкого монстра. – Его иглы ядовиты и врядли это слабый яд!

Михал отступил. Вдруг стрёкот повторился, причём он был усилен настолько многократно, словно они попали в гигантскую бочку наполненную цикадами.

– Бежим! – крикнула Маранта, схватила мужа за руку и, не теряя времени на разглядывание врага, выбежала вон из железобетонно-стеклянной ловушки.

Они бежали так, как не бегали смолodu! Бежали, будто за ними гнались все волки мира. Бежали, не оглядываясь, а в нескольких шагах за их спинами катилась, похожая на океанскую волну, стрекочущая и лязгающая зубами, колючая масса!

Глава 26. Новое тело стража

Змеёж был в шоке. Иным словом это чувство назвать было нельзя. А как ему ещё было реагировать? Пока одна пара людей почти полностью уничтожила целую армию зомбаков, двое других ухитрились взорвать отряд сморкачей, которые были из тех немногих монстров, что способны поразить противника на расстоянии.

Но этого мало! К одной из этих пар присоединился, неведомо откуда взявшийся третий! Какой-то странный третий... Если так пойдёт дальше, то город скоро наполнится людьми, как это было много лет назад. Тогда людей уничтожили одним ударом, а монстров, (кажется), выпустили для профилактики, чтобы зачистить предместья и проверить подвалы, где могли остаться уцелевшие. Несколько таких и впрямь были обнаружены и убиты в течение суток. Большая часть монстров разбрелась тогда в поисках новой добычи, но кое-кто остался, как это сделал тогда Змеёж.

Поэтому собственно монстров в городе и окрестностях было маловато, но ничего – он сможет, если надо, призвать их столько, что здесь ни одной норы, ни одной щели не останется, чтобы там не сидел монстр! Но для этого ему потребуется тело побольше, чем его собственное.

С такими мыслями Змеёж направился к парку, где всё ещё сидел покалеченный циклоп. Змеёж не испытывал к нему сострадания. Мало того – то, что он собирался сделать, должно было принести циклопу ещё большие муки.

Стараясь не слишком тревожить гиганта, который мог прихлопнуть его, как муху, Змеёж сначала поднялся по его руке на плечо, потом скользнул вверх по затылку и задержался, свившись кольцами на макушке. Здесь он помешкал немного – надо было прицелиться поточнее, ведь вторую попытку сделать уже не удастся!

Удача оказалась на его стороне – циклоп вдруг поднял голову и подставил пустую глазницу под прохладный ветерок. Змеёж молнией ринулся вниз и изо всех сил воткнул свой шипастый хвост туда, где по его расчётам должен был находиться глазной нерв гиганта!

Дикий вопль заставил дома содрогнуться, как от порыва урагана! Из окон ближайших строений вылетели стёкла, устоявшие ещё под напором времени. Циклоп лупил себя по лицу кулаками и ладонями, но Змеёж держался крепко, глубоко воткнув колючки в плоть, которую собирался подчинить.

И не только держался, он работал! Два полых шипа, выдвинутых из самого кончика хвоста, проникли как можно дальше вглубь глазного нерва циклопа, и сквозь них колючая тварь высунула свои нервные щупальца, соединённые с её собственным позвоночным столбом и...

Циклоп вдруг понял, что может видеть! Да не одним, а сразу двумя глазами! Кроме того он почувствовал, что поумнел, каким-то двойным разумом. Он ещё не решил хорошо это или плохо, но вдруг сообразил, что больше не чувствует боль!

Змеёж был поражён, как мало оказалось мозгов у этой горы мяса! Нда, он рассчитывал на большее. Даже зомбаки, оказывается, были умнее. Ну ладно! Сойдёт на некоторое время, а потом он подберёт себе нового носителя. А пока он удобно свернулся в глазнице гиганта и провёл там чистку, предварительно впрыснув в жилы циклопа сильное обезболивающее, чтобы не потерять это новое тело из-за обычного заражения.

Глава 27. Пустой кумир

Стефану отчаянно не хотелось снова лезть под землю, но Ларни "ободрила" его, сказав, что бояться нечего, ведь с ними Инци! Сам Инци утверждал, что внизу не опасней, чем наверху, зато там почти нет разрушений, а здесь у них есть риск запутаться в развалинах, которые к тому же могут рухнуть им на голову. И всё-таки Стефан готов был рискнуть и продолжить путешествие через руины, но Ларни уже побежала вперёд, разгоняя крошечную тьму светом своего факела.

Здесь было всё не так, как в том подземном хранилище боевых машин. Во-первых, они попали в сложный лабиринт ходов, переходов и лестниц, уходящих в головокружительную глубину. Лестниц взлетающих круто вверх, лестниц узких, расположенных по три – по четыре рядом, лестниц широких, на которых человек чувствовал себя потерянным, маленьким, как букашка...

Стефан в родном лесу мог найти дорогу, ориентируясь по листьям на деревьях, по форме муравейника, по мягкости почвы под ногами, а здесь он очень быстро потерял чувство направления и уже не смог бы выбраться назад без посторонней помощи.

Инци ориентировался по непонятным надписям на стенах и свисающих с потолка табличках из пыльного стекла, а также по странным картам, где были изображены переплетающиеся разноцветные линии, от чего вся картинка напоминала большого помятого паука.

Ларни беспечно бегала от одного непонятного предмета к другому и засыпала Инци вопросами, чем сбивала его частенько с толку и невольно раздражала Стефана. Молодой охотник шёл с карабином наперевес и постоянно всматривался в тёмные углы, не без основания предполагая, что там может таиться опасность. Но как бы он не старался, всё произошло совершенно неожиданно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.